

ВЛАДИМИР РАДКИВИЧ

Вечность
нас привлекала
всегда

БИБЛИОТЕКА
ПЕРМСКОЙ
ПОЭЗИИ

Владимир РАДКЕВИЧ

Вечность нас пригласила в гости

издательство

МАМАТОВ®

Пермь 2007

УДК 821.161.1(081.2)

ББК 84(2Рос=Рус)6

Р15

Составитель *Ф. С. Востриков*

*В книге использованы фотографии
из архивов семьи В. И. Радкевича,
его друзей и коллег.*

ISBN 5-91076-004-1

© Радкевич В. И., 2007

© Востриков Ф. С., составление, 2007

© ООО «Маматов», 2007

РАДКЕВИЧ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

24 апреля 1927 года – 7 июня 1987 года

Родился в городе Белом Смоленской области. В 1941 году с семьей эвакуирован в Башкирию. В 1949 году окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета. Работал инспектором областного отдела культуры, заведующим сельским клубом, литсотрудником в газетах, корреспондентом областного радио. Печататься начал в 1947 году.

Член Союза писателей СССР с 1959 года. За многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность В. И. Радкевич награжден орденом Дружбы народов (1987), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

О Владимире Радкевиче

Как-то осенью я вернулся из деревни. Машина была забита скопившимися там за лето вещами.

На скамейке у дома сидел недавно вышедший из больницы Владимир Радкевич, постаревший за последнее время, непривычно притихший.

Едва увидев меня и торопливо поздоровавшись, он сразу ухватился за чемодан и тяжелый рюкзак, не слушая моих возражений, двинулся к двери в подъезд.

Владимир нелегко, с остановками поднялся на третий этаж, зашел в квартиру и тут же ушел. Когда я спускался обратно, он выглянул из своей квартиры на втором этаже и почти виноватым голосом сказал:

– Извини, больше не могу... нога вот болит...

Мелкий вроде бы случай, но именно с него мне захотелось начать предисловие к юбилейной книге поэта Владимира Радкевича (в апреле 1977 года ему исполнилось пятьдесят лет). Вот такой он всегда: сначала спешит помочь в любом деле, в любой ситуации, а лишь затем становится ясно, чего ему эта помощь стоила. Сначала – помочь!

Только услышит, что кто-то в чем-то нуждается, и сразу, без промедления, бросается предлагать услуги, иногда и не очень близкому человеку.

В конечном итоге неизбывная доброта и помогла ему стать далеко не заурядным поэтом. Его творчество – от

первых до недавно написанных стихов – это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести. Он готов впустить в сердце неисчислимое количество чужого горя, а о собственных бедах рассказывает только затем, чтобы предостеречь и утешить других.

Поэзия Радкевича светла и сурова, нежна и строга. И все-таки главное ее достоинство – доброта, сердечность, отзывчивость. Он может быть гневен, но никогда не бывает злобен. А жестоким он бывает только к себе.

Лирик самой чистой пробы, Радкевич, когда случается необходимость, становится откровенно публицистичен, тогда его сердечная взволнованность, естественно, перерастает в гражданственность, а личные заботы возвышаются до уровня общественных.

Меня всегда поражало природное умение Радкевича приносить сердечность даже в праздничные газетные стихи. Уж как только не потешались фельетонисты и пародисты по поводу так называемых дежурных произведений для газет! Но я со всей ответственностью утверждаю, что ни в одной строке Радкевича – от напечатанных на первой полосе, от реклам для «Союзпечати» до самых сокровенных стихов – не найти и запаха равнодушия, ремесленничества.

Он просто не может себе позволить, да и не умеет писать без души. Скорее всего, и сам того не сознавая, практически он стремится, чтобы любая строка стала фактом настоящей поэзии. Об этом ведь мечтал и Маяковский, когда работал над плакатами и рекламой.

Бывали у Радкевича случаи, когда написанный им для какого-нибудь юбиляра адрес оказывался отличным стихотворением, которому находилось достойное место и в книге.

Поэзия – его работа, и в ней он признанный мастер. Трудящийся в литературе вот уже около тридцати лет, Радкевич не утратил юношески трепетного отношения к ней, способности удивляться ее тайнам и возможностям.

Свои новые стихи Радкевич может читать десять, а то и больше раз подряд. И это не от самовлюбленности (ею он переболел своевременно и довольно быстро), это от обыкновенной рабочей радости: получилось!

Как человек пишущий, он отличается редкой скромностью. Я мало встречал, кроме него, профессиональных литераторов, которые были бы так неторопливы с опубликованием своих произведений. Мне известны случаи, когда редакции подолгу упрашивали Радкевича прислать новые стихи. А он до бесконечности читал их друзьям, на встречах с читателями, как бы проверяя каждое слово на прочность.

Хриплым голосом отчеканивал поэт единственно точные и сильные строки, добытые в труде, за который расплачиваются только судьбой.

Мне эта черта – бескорыстие творческого характера – необыкновенно симпатична: известно, что пробивная сила автора обратно пропорциональна талантливости. За неторопливостью Радкевича явственно видится наистрожайшее, целомудренное отношение к поэзии, которое с годами у него не затухает, а обостряется.

Вот и нет ничего удивительного в том, что творческая зрелость поэта согрета все той же юношеской трепетностью, какой отличались стихи его в молодости.

Мудрость доброго сердца... Радкевич написал стихи о любви: «Зачем же так непоправимо сжигать себя в твоём огне? А ты опять проходишь мимо. Ты – вне меня. Но ты – во мне!» И заканчиваются: «И целый мир с собой уносишь, когда уходишь от меня». Я прочитал это в «Вечерней Перми», и так радостно стало за товарища. Все-таки пятьдесят лет скоро и здоровье вовсю лукавит, а ведь какие умные, грустные и добрые стихи! Даже не зная автора, можно понять, что написал их зрелый поэт, много переживший человек.

Он верен слову и верит слову. Только потому оно и подвластно ему. Только потому рождаются стихи, легко западающие в любую отзывчивую душу.

Именно поэтому Радкевич никогда и не нуждался ни в каких «поисках», все поэтические «моды» далеко обходили его. Если он и искал, то лишь самого себя, свой слог, свой образный мир.

В трудной жизни своей (она только верхоглядам и недоброжелателям кажется приятненькой во всех отношениях) Радкевич знал и шумные успехи, и отнимающую силы, внушающую неуверенность хулу, и подчеркнутое безразличие, даже отрицание. Довелось слышать ему и самое подленькое: исписался, дескать. Всякое бывало. Поэзия требовала от него многого, и он отдавал ей все, на что был способен. Они, поэт и поэзия, не щадили друг друга и щадить не собираются. Читатели же часто забы-

вают тот непреложный факт, что поэты – живые люди со всеми человеческими слабостями, но забот у них несравненно больше, ибо они обладают обостренным, иногда до болезненности, восприятием жизни. Иначе стихов не напишешь.

Порой за самыми светлыми стихами стоят годы изнурительной работы, еще более изнурительного безделья (не пишется!), полосы неудач.

Если бы качество произведений зависело только от количества вложенного в них труда!

Ах, сколько бы стало замечательных писателей! Но, увы, никто не гарантирован в литературе от неудач. Были они и у Радкевича. Иные он осознал быстро, об иных не хочет даже и подозревать до сих пор.

Потому что он упрям и в своей правоте, и в своих заблуждениях. Уж если Радкевич упрется, переубедить его невозможно.

И всегда ли – надо?

Вот он очень любит наш уральский край, никогда не упустит случая подчеркнуть: «Я – с Урала», много пишет об этом. Например, лучшие стихи о Каме принадлежат, по-моему, Радкевичу. И все же его «краеведческие» произведения (не считая отличных стихов на исторические и революционные темы) не самые сильные. Но сколько бы его ни упрекали в этой местной, что ли, ограниченности, поэт продолжал стоять на своем – воспевал уральский край. И лишь недавно я понял: пусть Радкевич сейчас не всегда прав, прав он будет потом, прав будет обязательно. Конечно же, напишет он замечательные

стихи о любимом Урале. Ибо, чтобы выразить большую любовь и чтобы стихи долго жили, требуются большой труд и время.

Время... До чего же быстро летит оно! Мог ли я тридцать лет назад, с удовольствием распевая любимую тогда в университете песню «Ива» (мелодия будущего геолога Володи Балалаева), предполагать, что когда-нибудь накануне своего пятидесятилетия буду писать предисловие к юбилейному сборнику известного уральского поэта?

Летит, летит время... Мысль банальная, но банальность не освобождает ее от жестокости. В суматохе дней, хотя два в неделю из них выходные, не всяк горазд ощущать, что из мелькающих суток складываются годы и, в конечном счете, жизнь.

Может, поэтому она и проходит так быстро, что состоит из бесконечно малых величин – дней?

Но поэтическая жизнь длиннее и насыщеннее физического существования. Поэт живет как бы дважды. Один раз – обычно, как все, второй – в созданных им стихах. Причем эта, вторая, жизнь куда напряженнее и опаснее первой. Писание иных стихов чем-то схоже с операцией на собственном сердце, только без наркоза.

Вчитайтесь у Радкевича в «Стихи о семейной жизни». В них за каждым словом – еще не зарубцевавшаяся рана. Есть строки, не перешедшие в крик лишь потому, что написаны словно сквозь стиснутые зубы. Боже упаси, как говорится, принять эти стихи за сугубо личные. Настоящий поэт никогда не напишет о том, что волнует

его одного. Такого казуса с ним просто быть не может. И надо иметь большую силу духа, неисчерпаемый запас мужества, чтобы желать и уметь своей бедой предупредить других, многих.

Здесь нет никаких полутонов, стихи не рассчитаны на то, чтобы их произносили «на ушко», иначе бы их стали распевать на манер «жестоких» романсов. Но такие не запоешь, над ними надолго и горько задумаешься и узнаешь: если о подобном можно поведать откровенно и вслух, значит, поэт не жалуется, а утверждает, что если он вынес горе, то и все могут. От стремления понять и принять человеческие боли и помочь людям преодолеть их трудно живут хорошие поэты.

А сколько раз вздрогнет сердце, когда читаешь и перечитываешь «Студентов 41-го года», «Россию», «Исход», «Балладу о родном доме», «Для сына я – сильнее всех на свете» и многие другие!

Какие сложные и драматические судьбы оживают в стихах «Трактористка», «В утренней электричке», «Орехи», «В клубе сегодня танцы».

Самые суровые стихи Радкевича не содержат ни грана безысходности или уныния: по природе своей он жизнелюб, как многие уральцы – от Василия Каменского до Бориса Ручьева (который очень любил стихи Радкевича и собирался об этом написать). Нет, нет, жизнелюбие не от убежденности, что бытие наше – приятная и легкая штука, а от счастья «быть живым, живым и только, живым и только, до конца» (Б. Пастернак).

Пятьдесят лет – возраст, когда с почти математиче-

ской точностью можно определить, какие произведения выдержали испытание временем. У Радкевича их — много.

Наверное, никому не объяснить, почему тот или иной человек становится писателем, художником, композитором. Иногда встречаются внешне правдоподобные ответы, но на поверку они оказываются лишь удачными совпадениями, которые легко укладываются в заранее придуманную схему. Даже когда утверждают, что вот этот стал композитором потому, что родился в музыкальной семье, то и сие — недостаточное объяснение. Не все композиторы родились в музыкальных семьях, и не все, в них родившиеся, стали композиторами. Недаром по отношению к таланту пользуются таким расплывчатым определением, как «искра божья».

Можно, правда, обнаружить, что же питает талант, помогает ему вызреть. Коротко говоря, сама жизнь, все ее обстоятельства. Они-то и способствуют формированию личности и основы ее — характера. Иногда несколько часов жизни влияют на этот процесс сильнее, чем целые годы. Посему внешние факты биографии часто мало что объясняют. Хотя Владимир Радкевич весь пермский, уральский, родился он на Смоленщине. Родители были учителями. Потом семья переехала в Ржев. Здесь Володя пошел в школу, а в начале войны оказался с матерью в Башкирии. После окончания средней школы он поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Учился он хорошо, был именованным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол и шахматы), еще больше

времени отдавал стихам. Они быстро разносились среди студентов и даже проникали в город. Нам, конечно, больше всего нравились эпиграммы на преподавателей.

Работал он после окончания университета инспектором областного отдела культуры, корреспондентом радио, заведующим клубом, литсотрудником в многотиражке «Лесник Прикамья» и областной комсомольской газете «Молодая гвардия». Первая книга вышла в 1951 году в Перми.

Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, и, скорее всего, потому, что и не пытался им выглядеть. Однажды его житейские огрехи были даже суммированы в газетной статье, где высказывалась неуверенность в будущем молодого поэта. Не стоило бы об этом вспоминать, тем более в данном – юбилейном случае, но надо.

Речь идет не о требовании всепрощения творческому человеку, а о поверхностном, искаженном взгляде на труд поэта. В самом деле, кто знает, какой ценой дается создание произведения?

Недаром как-то у Радкевича вырвалось: «В наш век чернить поэзию не смейте, она во всем пред будущим чиста, она с людьми – в бесславье и в бессмертье, и в этом цель ее и правота».

Зная его много лет, я давно уразумел несоответствие между внешней стороной жизни поэта и внутренней. Внешне все просто, все понятно, он словно нарочно – гусей подразнить – дает поводы для толков и кривотолков, а внутри рождаются стихи, которые с каждым годом ста-

новятся все чеканнее, умнее, все больше волнуют. Вот почему – подойдешь к книжным полкам, подумаешь, подумаешь, и рука непроизвольно тянется к стихам Радкевича. Никто ведь не заставлял меня учить их наизусть, а – помнятся, живут уже не только в поэте, но и во мне, читателе.

Выше я говорил, что не определить, почему человек становится поэтом. Но можно иногда проследить, откуда приходят те или иные стихи.

Году в 1964-м он писал: «И все-таки мы в смерть родных не верим...» (удивительные стихи!). Через два года рука его вывела стихи, уже тогда прозвучавшие как предчувствие: «Ты подожди меня, мама родная, ты не гаси своего огонька».

Отчетливо помню, как что-то изменилось в Радкевиче после января 1967 года, когда умерла его мама. Сердце сына отозвалось щемящим острой болью признанием «Без мамы я жить не умею...», кажущаяся простота и правда которого могут надолго лишить покоя. И сколько же надо пережить, чтобы написать: «Как страшно ветра голосили на проводах белого дня! Как будто частица России навеки ушла от меня».

Стихи естественны и как бы непроизвольны, словно дыхание. И это присутствует во всех лучших произведениях Радкевича. А ведь сколь долго зрели в поэте тема матери и тема Родины, чтобы слиться воедино...

Я старался как можно меньше цитировать поэта. Стихи его перед вами. Читайте.

Л. И. Давыдычев, писатель

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

О В. И. Радкевиче много написано рецензий, очерков, рефератов, воспоминаний и при жизни поэта, и после его смерти. Среди сотен публикаций о нем я все-таки отдаю предпочтение статье Л. И. Давыдычева, опубликованной еще 20 и 30 лет назад.

Читатель вправе спросить: «А почему?» Ответ прост и ясен. Лев Иванович, как никто другой, показал поэта таким, каким он был в жизни: добрым, сердечным, отзывчивым, взволнованным, бунтующим, не терпящим лжи и фальши, порою гневным, но не злобным. Неустроенный в быту, он не завидовал более благополучным и всегда спешил на помощь другу, попавшему в беду, высоко ценил выстраданное правдивое поэтическое слово.

У Радкевича и Давыдычева в избытке было общего: писатели от природы мудры и талантливы, свято любили отчий край. Они дружили, слушали и понимали друг друга. Жили на улице Большевистской в одном доме, в одном подъезде. Да и теперь рядышком лежат на Южном кладбище города Перми... Но их прекрасные творения и по сей день волнуют и радуют сердца читателей не только Урала, но и всей России.

Федор Востриков, писатель

В. Радкевич

Стихотворения

Как в сон, как в омут, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.

А на вопрос привычный –

где живу? –

Я отвечал, что родиной с Урала.

Да так ли это важно,

где живешь?

Но мне внимание выказать старались

Не потому,

что чем-то был хорош,

А просто потому,

что я – уралец.

Была Москва щедра и широка.

При мне с какой-то непонятной лаской

Одни припоминали Ермака,

Другие –

корпус танковый уральский.

Мы, люди, все немножечко родня,

Будь из Калуги ты,

будь из Казани.

И не было причины на меня

Глядеть, как на ожившее сказанье.

Я забывал в Москве,

Где день, где ночь.

Был старомоден,
 словно фикус в кадке.
 Чрезмерно буен. До вина охоч.
 Имелись и другие недостатки.
 Но даже в эти каверзные дни
 Во мне самом,
 скорбя и согревая,
 Горели Мотовилихи огни
 И подступала к сердцу Чусовая!
 Я понимал,
 что надо жить не так,
 А по другому, правильному компасу,
 Хотя бы потому,
 что я — земляк
 И Ермаку, и танковому корпусу.
 В мартенах
 сталь вскипала добела,
 И я хотел во что бы то ни стало,
 Чтоб и моя поэзия была
 Частицею уральского металла.
 Пусть жизнь меня течением несет
 В объятья к людям,
 к горю их, к веселью.
 Поэт — как дерево.
 Он только так растет:
 Ветвями — к солнцу,
 а корнями — в землю.
 Ты ранним солнцем
 Землю обними!

Не потому ли
 так она красива,
Что мы живем –
 в Москве или в Перми –
Лишь для нее,
 а вместе мы – Россия!
Уралец ты?
С Уралом будь един.
Пусть он тебя на прочность испытает.
Пусть Кама
 из разгневанных глубин
Заводы и поэзию
 питает.

1964

Не жаркой зарей златотканой,
В лесах растопившей снега,
И даже не Камушкой-Камой
Мне древняя Пермь дорога.

Железная воля Урала,
Избрав не мольбу, а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу.

Чью боль материнскою лаской
Ты, Пермь, убаюкать могла?
Была ты и песней бурлацкой,
И долей рабочей была.

И улицы здесь не забыли
Еще с легендарных времен,
Как бился в «ворота Сибири»
Кандальный отчаянный звон.

Решительный гул забастовок,
Полнеба в крови и в огне.
Зарницы великих маёвок
В любом полыхали окне.

Со всех городских перекрестков,
Где подвиг отцов не забыт,
На малых детей и подростков
История зорко глядит.

И в синих ночах Предуралья —
Недавнего пламени след,
И пахнет тайгою и сталью
Плывущий по Каме рассвет.

Лучей золотистая россыпь
Сквозь раннюю хмуру облаков,
И эта хозяйская поступь
Уральцев,
 моих земляков!

И радость свою,
и невзгоды
Ты, Пермь, от меня не таи —
Прошел я и вешние воды,
И медные трубы твои.

И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя,
жизнь и работа, —
Земля моя русская —
Пермь!

1972

о твои берега.

1972

Как ты была добра ко мне, Россия,
Когда для сына долгие века
Струила реки, и леса растила,
И над землей кружила облака.

И чудо, и с хитринкою причудца
В твоей судьбе
 ясны мне потому,
Что было мне родиться, как проснуться
В твоём, навек единственном дому.

И все ночные страхи, огорченья
Сгорают неprimетно и дотла
При свете зорь твоих –
 от излученья
Радущия, спокойствия, тепла.

А в трудный час,
 когда мне очень больно,
Когда я сам не знаю – жив не жив,
Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.
Сестреночки –
 березки да осинки –

Качают солнце в люльке из ветвей.
И тихо прикасаются травинки
К щеке,
 как пальцы матери моей.

1972

В арбатской слепой комнатенке
Я слушал молчанье его.

Предсмертье поэта,
потемки —

Печальнее нет ничего.

Природа прибегла к насилью,
Ни шага, ни слова нельзя...

И только растроченной синью
О чем-то кричали глаза.

Но сквозь параличную старость
В московской зашторенной мгле
Виденьем —

полетность и статность,
Как в девичьих снах Триоле.

В стихах, словно в солнечных сотах,
Его победительный пыл,

И мы понимаем,
за что так

Его Маяковский любил.

Все было движением к цели

И с жизнью корнями сплелось...

Какие поэмы звенели,

Какое столетье сбылось!

Размах у столетья вселенский —

Лишь звезды дивились, светясь...
И все-таки Кама, Каменский –
Такая

 глубинная связь,
Что в нынешних
 проблесках лета

Он вновь бытие, а не быт.
И Кама у Троицы где-то
Стихами его говорит.
И это еще повторится
Другими родными людьми,
Как эхо,

 как вздох,
 как частица
Чистейшей народной любви.

1986

«СЕМИЭТАЖКА»

С войны ты сумела остаться —

ЖИВОЙ,

Лет огненных дом угловой.

Заря милосердия плыла,

как донор

Радущья, добра и тепла.

У темных крылечек парадных,

С бедою один на один,

Встречал он когда-то блокадных,

Почти неземных балерин.

Война разбросала по свету

Отцов, сыновей и мужей.

Но женскою верой в победу

Сияли все семь этажей!

Страна — как открытая рана,

Но жизнь победит все равно.

И музыка Хачатуряна

Стучалась в любое окно.

Прислушайся только – и заново

На этой земле оживет

Писательский подвиг Тынянова,
Дудинской блистательный взлет.
И новая молодость честная,
О ранних утратах скорбя,
Припомнит,

как Таня Вечеслова

Искала Урал и себя...

Все в прошлом – война и блокада.

Так что ж – наяву иль во сне –

Мне веточки Летнего сада

В уральской видны вышине?

И белая ночь Ленинграда

Вскипает на камской волне!

1986

НЕБО ШВЕЦОВА

Я верую определенно:
Чтоб встать на века,
навсегда,
Построены не из бетона —
Из жизни людей
города.
Мой город,
от прочих в отличку,
Мне дорог,
в конце-то концов,
И правом своим
на табличку:
«Здесь жил и работал Швецов».
Стояли Уральские горы,
Когда от темна до темна
На прочность
людей и моторы
Испытывала война!
И небо, как голод,
свинцово
Ложилось на плечи страны.
И были
моторы Швецова,

Как хлеб и как воздух,
 нужны.
В подбитой машине тревогу,
И смерть, и огонь –
 испытай...
«Спасибо Швецову и Богу!» –
Говаривал
 летчик Галлай.
Вот так
 и шагала
 былина
Средь облачности,
 синевы –
К весеннему небу
 Берлина
От зимнего неба
 Москвы.
В ней годы
 ни строчки не смыли:
Летит,
 поколениям вслед,
Биенье конструкторской мысли,
Бессонница огненных лет.
Конструктор –
 не звание, не должность,
А жизнь Человека.
И в ней –
Уральских моторов надежность,

Надежность
рабочих людей.
В той жизни –
в сражение, в размахе –
Себя он до времени сжег.
И на генеральской папахе
Растаял
уральский снежок...
Бессмертью подобного рода
Преграды
и смерть не чинит –
Проходит цехами завода
Любимый
его ученик,
И быстрые лайнеры
снова
Пронзят
небосвод голубой.
Рабочее небо Швецова
У каждого
над головой!

1972

Случай, в общем, не редкий...
В дни победной весны
Подполковником ректор
Возвратился с войны.
Виды видывал многие,
Смерти в очи глядел.
А его биология
Там была не у дел.
И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть.
Не ученым умением,
Просто – верен себе,
Быть умел провидением
В чьей-то трудной судьбе.
Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал.
Вроде просто бы: выучил
И дипломы вручил.
А на деле-то – выручил,
Верить в жизнь научил.

Просто,
 без молодечества,
Смог ее уберечь
И под ноги
 студенчества
Нужной улицей лечь.
Чтобы, к жизни причастны,
Не забыв ничего,
Мы, хотя бы не часто,
Вспоминали его.

1972

Памяти В. Балалаева

Мы – земля, мы – трава,
 мы – глаза незабудок и льна,
В чистом поле березы над нами,
 как сестры, нагнулись...
На суровую практику нас посылала
 война,
Мы с войны до сих пор
 не вернулись.
Мы – в дождях,
 мы – в слезах
 материнских заплаканных глаз,
Мы – простой обелиск,
 что над братской могилою замер.
Но мы просим:
 считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России
 последний нелегкий экзамен!
Пусть останется в памяти каждый
 и весел, и юн,
Как в то время,
 когда из студенческих песен и сессий
Вырвал нас навсегда этот год 41-й,
 июнь,

И поставил пред выбором новых,
военных профессий.
Ваша юность – другая.
И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят
ни капельки схождения.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства,
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.
Ах, какие дожди
над осенней Россией опять!
Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, –
Столько лет все не выплачет
те материнские слезы...

1971

Сколько ни прожито, да счастье нажито!

Зайдет соседка в пуховом платочке:

– Петровна, милая, снова вяжете?

– Носочки!

– Кому?

– Да ему, сыночку...

Сын у мальчишек за полководца.

Весь день на улице, а как умается,

Вбежит с мороза, в колени ткнется:

– Мама, а мы играли в чапаевцев!

– Ну вот и ладно. Надень, Сереженька,

Надень носки, чтоб не мерзли ноженьки!

Десять лет в одночасье прожито.

Пойдешь на почту и скажешь попутчице:

– Посылку отправить хочу! Сережа-то

В городе, на инженера учится.

Недавно писал: «Отметки отличные,

Обо мне не тревожься, все это зряшное...»

А в посылке – коржики, варенье клубничное,

Сережино любимое, домашнее.

И носки шерстяные:

– Носи, Сереженька,

Носи, родной, чтоб не мерзли ноженьки...

Сама их сыну в рюкзак положила,
Сама и на фронт его проводила.
В носках материнских тепло ему было,
Да пуля проклятая с ног повалила.
А сына убили –
И ноги остыли.

Мелькают в руках проворные спицы.
– Петровна, светает, а вы все вяжете.
Наверно, носочки?

– Да просто не спится,
Кому их вязать-то мне – тоже скажете...
А самой кажется:
Подойдет неслышно, отнимет пряжу,
Шею вдруг обовьет рука его.
В глаза бессонные глянет и скажет:
– Мама, не нужно! Мама, какая вы...
Годы отмечены
Новыми встречами.
Стали глазами сына синие воды озерные.
Стали бровями сына тучи на небе черные.
Стало ясное солнце его теплом и любовью.
Стала ранняя зорька улыбкой его сыновьей.
А зорька разбудит,

пойдешь на поля –

В каждой росинке,
На каждой травинке –
Его кровинка,
Твоя кровинка, Петровна!

Он жив,
Покуда живет земля,
Родная,
 любимая,
 кровная —
Кровью лучших сынов освященная,
Сердцем всех матерей защищенная.

1958

БАЛЛАДА О БАНКЕ ВАРЕНЬЯ

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла –
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы
работать
мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать до станка.
И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим –
всего по четырнадцать лет.
В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию –
банку варенья –
Пред ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.
И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам
тишины,

Повеяло чем-то давно позабытым,
 домашним,
Как будто бы не было больше на свете войны.
...Ах, банка варенья,
 простое и верное средство
Напомнить о том,
 что как жизнь у людей ни горька,
Но будет еще у мальчишек
 и солнце, и детство,
И синее небо, и запах простого цветка!

1972

МОЛОДЫЕ СОЛДАТЫ

Клятву выполнив свято,
годы, годы подряд
Молодые солдаты
в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
полыхает война.
И солдаты остались
в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь Победа давно вам
протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
кузня в дальнем селе.
Но свинцовая тяжесть
придавила к земле.

...Журавлиные стаи
да небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава.
И в ржаной позолоте,
и в пылице полевой –
Вы встаете,
встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! –
Сами стали частицей
нашей русской земли...

1955

СТИХИ О ПОБЕДЕ

Не только мир Победа возвестила –
Она в одно мгновение, наяву,
Родным глазам сиянье возвратила,
Цветам – дыханье,
небу – синеву.

в свете той весны,
Что нет людей чужих и незнакомых,
Что все друг другу
родственно нужны.

на руках качали
В солдатской гимнастике над собой.
На всех одно огромное богатство
И счастье неразменное одно:
Была Победа
как предвестник Братства,
Которое настанет все равно.
И для Земли,
для голубой планеты,

На части раздираемой пока,
Придет однажды
мирный День Победы –
Единственный, всеобщий, на века!

1985

И тщетно
 огород вы городили,
Когда о нас радели
 на словах,

И снова лили слезы
крокодилы
О наших человеческих правах.
И странная вам виделась
планета:
Без ясных звезд
и солнечного дня,
Без добрых встреч
и мирного рассвета,
Без света олимпийского огня.
А мы... Ну что ж, мы
продолжали строить
И украшать лицо родной земли.
И нет такой волны, чтоб вы настроить
Ее на сердце русское
могли.
Разделены в том сердце,
как межою,
Враги России от друзей ее:
На той, на вашей, стороне –
чужое,
А здесь, по эту сторону, –
свое!

1982

СТИХИ О ГРАНИЦЕ

Где в горных ущельях таится
До времени спрятанный гром,
Там наша проходит граница,
Как грань между злом и добром.
Страны и покой и величье
Бессонницей зорких застав
Надежно хранит пограничье –
Сердец и оружия сплав.
Тревожные звезды Вселенной
Зовут пограничника в путь...
Но здесь
 и у формы военной
Есть добрая мирная суть.
Неужто не видите, люди,
Как, мир согревая земной,
Все ярче лучи дружелюбья
Восходят над нашей страной!

1982

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

В. Астафьеву

А ведь было когда-то...

было когда-то...

На рассвете пожары поднимали солдата,
И металась в казармах боевая тревога,
И кричал, надрываясь, старшина у порога,
И вставала земля рубежом раскаленным,
Черной оспой воронок на поле зеленом.
И казалось солдату: не время любить!
Мы вернемся еще, может быть... может быть...

А ведь было когда-то, когда-то было...

Ах, как эта девчонка солдата любила!

Как бежала в халатике

через двор госпитальный,

Не страшась ни насмешки,

ни шуточки сальной.

Он ногами чугунными еле вышел из строя
И стоял рядом с нею, медицинской сестрою,
И молчал, недоступен многоглазой обиде,
Кроме глаз ее ласковых, ничего-то не видя.
Но от губ ее ласковых, но от глаз ее мокрых
Оторвал старшины повелительный окрик.
А ведь было когда-то... Были когда-то
Эти годы и горести, эта юность солдата.

Первым снегом виски у него запорошены,
И детишки-то умные, и жена-то хорошая!
Но ему, семьянину, ночами не спится,
Если глянут из прошлого очи сестрицы.
Под ногой осторожной чуть скрипит половица,
Он к окошку подходит и, сутулясь, садится.
Тихо маятник тикает,
 над двуспальной качается.
А солдат с молодою любовью встречается,
Не с заботой привычной,
 не с тоскою чугунной –
С ясной звездочкой раннею и разлукою юной.

1955

Урал любовью нашей выбран
Не наугад –
 при свете дня.
Он молнией
Из камня вырублен,
Из стали создан
И огня.
В его мартенах сталь варилась,
Которой не было прочней,
И эта прочность
 растворилась
В крови сынов и дочерей.
И, может быть,
 не потому ли,
Что здесь надежны небеса,
Так доверительно прильнули
К заводам
Синие леса...
У той задумчивой таежности,
У Камы в голубом огне
Уральской нежности,
 надежности
Еще всю жизнь учиться мне.

1985

У ПАМ'ЯТНИКА БАЖОВУ

Он раздвинул железные скалы
И прислушался к думе лесов,
Чтобы падали в новые сказы
Самоцветы ликующих слов.

И цветок на таинственном камне,
Что невидимым был до поры,
Устилает тропу лепестками
Пред Хозяйкою Медной горы.

Он шаги ее легкие слышит,
Вьется ящерка, в скалах скользя...
Но сказитель
 о вечности пишет,
И ему обернуться нельзя.

1970

Редуют леса на Урале –
У рек,
 у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!
Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,
Где с зеленью солнце смешалось,
Листовою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.
Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим и жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.
Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры
И около камня Полюда,
И около Думной горы.
Земля еще терпит и кормит –
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,

Нам трудно стоять на земле!
К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.
И все, что мы там потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!

1972

АФАНАСИЙ МАТРОСОВ

У камских
 все тех же откосов,
Где жил ты,
 сердясь и любя,
Поэт Афанасий Матросов,
Мне скучно теперь без тебя.
Ты гаснешь,
 как дальнее эхо,
Меж нами,
 живыми людьми.
Вот –
 нет одного человека,
А стало безлюдней в Перми!
Но нынче и мертвым не спится.
Не кончился день трудовой.
Пусть нету в живых
 баснописца,
Для нас он –
 как прежде,
 живой:
Веселый,
 душа нараспашку.
А в ней –
 ни корысти, ни зла...

Поденщицей

в многотиражку

Работать поэзия шла.

Газета с размаху кидала

В мир,

полный надежд и забот:

На шахты и стройки Урала,

На Горьковский автозавод...

Но жизнь не давала отсрочки –

Ей новая песня нужна.

Желтеют газетные строчки.

Иные идут имена.

И чье-то бессилие глухо

Забьется у края стола:

Поэзия,

злая присуха,

Куда ж ты меня завела?

Но –

бей в барабан и не бойся!

Ведь что-то в поэзии есть,

Коль бывшего молотобойца

Взяла она с т р о и т ь и м е с т ь.

И с ним

не в бирюльки играла –

Всю жизнь без остатка брала,

По топям и высям Урала

От строчки до строчки вела.

И, значит,
 у камских откосов,
Улыбкой встречаясь с людьми,
Идет
 Афанасий Матросов –
Невыбывший житель Перми.

1972

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти

К. В. Рождественской

От нас уходят старшие,
безвременно почившие —
частицей нашей
ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце остановится,
а нам —
трудней становится
без очень нежной
хмурости,
без очень нужной
мудрости.
И все-таки
прислушайся:
Земля, как прежде,
вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
верится.
Не верю
слуху вздорному,
что вот — пришел конец.

Нет, просто сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые

 галактики
от взрыва образуются.

И это —

 в их характере,
в посмертной
 их разумности.

Что сделано —

 не рушится.

И крепнет

 в нас самих
честное содружество
мертвых и живых.

1968

В каждой сосенке сердцем узнан,
Расскажи мне, седой Урал,
Где, в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне –
Только звезды под небосвод!
Сталеваром будь иль поэтом –
Только жить тебе суждено
С этим пламенем, с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе найдет продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.

1972

И Орленок
К созвездиям взмыл.
Звезды светятся близко –
Держат их обелиски
Над курганами братских
могил!

По утрам
просыпается эхо
Мирных песен и звонкого
смеха,

Плещет пламя
Октябрьских знамен...
Значит, вправду бывает,
Что герой оживает,
Если помнят живые о нем!

1978

Из-за лета, как из засады,
Снова осень глядит в упор.
А село Большие Исады
Прячет избы за косогор.
За рекой туманы крошатся,
Солнца луч прозвенел и смолк...
Вот где встретил я вас, кронштадтцы,
Вросший в землю матросский полк!
Я пройду по лесному оврагу
В обреченный ропот листвы
И на землю сырую лягу,
Где когда-то лежали вы.
Не примите за святотатство –
Просто нужно сегодня мне
Хоть на час, хоть на миг остаться
С вами, мертвые, наедине.
Молчаливы земля и камни,
Море – дальше день ото дня...
Но дошли же вы до Прикамья!
Значит, вы дошли до меня.
Вас на буйную сушу войны
Перебрасывали с корабля,
И застыли холмы, как волны,
Там, где встретила вас земля...

Сколько каждому – сорок, двадцать?
Не об этом сегодня речь!
Просто – в жизни нельзя сдаваться,
Лучше замертво в землю лечь.
У тебя в лице ни кровинки,
Затуманенный тихий взор...
Но стекают с ветвей рябинки
Капли крови на косогор.

1967

И. Минину

Пермяцкая парма, лесные просторы,
Зеленые сосны глядятся в озера.

Века приходили, века проходили –
Счастливых

бессчастные здесь не родили!

Кривое оконце, нужда, недороды.

Землица – скупая, как слезы народа.

Нет, прошлое разве забудется скоро?

...Как чистые слезы – озера, озера.

1958

Усолъе, соляные копи,
Какой стариною гордишься?
За Камой – болотные топи,
Тайгу сторожат городища.
Пермяцких божков –
на растопку,
Язычников – в плети –
креститься,
Меха соболиные – в клетки,
Работных людей – в крепостицы:
Поститься, за соль расплатиться,
Пока захрипишь и не свалишься.
Как малые крепостицы –
Бревенчатые солеварницы.
И солнце намокло в рассоле.
Солены Урала отроги.
Рассветы брели на Усолъе,
Чумазые, как углежог.
Не хуже Фордов в Америке
Мясо с костей состругивали
Лазаревы – Абамелеки
И Строгановы со слугами.
Тряслись работяги в кашле.
Кайла в камень втыкали.

Со спин соленые капли
В землю опять втекали —
Кровавые, горькие, частые —
От зноя и гнева палящего.
И тихо тикали часики
На животе управляющего.
Но капли долбили камень!
Земля рвалась из оков,
Предчувствуя здесь, на Каме,
Рождение Березников.

1984

Пермяки – соленые уши!
Соль на потном тряпье рубах
Да отчаянный звон полушек
По окраинам, в кабаках.
Даже в праздничном окаянстве,
Когда всяк перед Богом чист,
В тишь купеческой и дворянской
Вдруг врывался разбойный свист.
Возле Камы в глухих кварталах,
На помине в ночи легка,
Как преданье, еще роптала
Кровь товарищей Ермака...
Ни поветрий, ни песен новых,
Лишь дороги

в Сибирь, на Югру.

И, сутулясь, дрожал чиновник
На уральском лихом ветру.
Трактом дрожжи тряслись с имений,
С мясоеда – за балом бал.
Обольстительный дух пельменей
Над дворами Перми витал.
И, предчувствуя сытый отдых,
На перины, как на насест,
Пермь влекла своих жен дородных

И грудастых своих невест...
Но с восходом на мировую,
Багровея, не шел закат,
И ложились на мостовую
Тени будущих баррикад.

То, изведав любое лихо,
Смутно грезил про Пятый год
Отгороженный Егошихой
Мотовилихинский завод.

1968

ИВАКИНСКИЙ КОНТОРЩИК

Памяти Б. Пастернака

Еще ни льстивых доброхотов,
Ни криков яростных: – Ату!
В графе приходов и расходов
Не скоро подводить черту.
Вдали, в обугленной Европе,
Вовсю орудует война.
А здесь – рассвет над Камой, копи,
А здесь – лесная тишина.
И только сосны вековые
За ним бредут сквозь ветровал.
Он молод.
Все ему впервые:
Любовь, поэзия, Урал!
В Москве эстрада рожи корчит,
Являя гениев на свет.
А он – ивакинский конторщик –
Почти неведом как поэт.
Но жизнь подобная полезна!
Еще не дале чем вчера
Спас от призыва пол-уезда
Он смелым росчерком пера.
И все ж, Урал,
из сердца вырви
Восторга иступленный крик,
Лесами Всеволодо-Вильвы
Ляг на листы конторских книг.

Ты сам и критик свой, и автор –
Твори, ораторствуй, гвозди
И, как обилие метафор,
На горы горы громозди!
Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность – ничья.
Ей делать человека гордым
И с возрастом не убывать.
А как в ту осень хлынуть горлом –
Еще с полвека
убивать...

1968

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

(Монолог бунтаря)

Л. Давыдычеву

Дорога скорби,
Земных утрат –
Уралом горбясь,
Сибирский тракт,
И в снег, и в слякоть,
И в зной, и в дождь
С кем хочешь сладить?
Куда ведешь?
Как арестанты,
В полосках версты.
А ноги стянуты,
Цепями стерты.
Иду избитый,
Земля качается.
А тракт Сибирский
Все не кончается...

• • •

Мы добудем свободу!
Есть же горю предел?
Ведь недаром народу
Радищев радел!
Снег предутренний, чистый

Нынче выпал чуть свет...
А на нем – декабристы
Оставили след.
Где рябиновы гроздья
За чертой городской,
Полоса
 от полозьев
Возка Трубецкой!

• • • • •
Против силищи царской
Шли мы все же не зря.
В красный цвет,
 по-бунтарски
Полыхает заря!

1976

Река бурлила недовольной плотью,
Плевалась в проплывавшие плоты.
На встречной барке лоцмана лохмотья
Вопили о всевластьи нищеты.
Вода была коричневой от глины,
Весенний ветер сыростью пропах.
Еще белели снежные плешины
На голых – тоже нищих – берегах.
Но коль Урал в своей безгласой шири
Еще богоспасаем и хвалим,
То что там, за «воротами Сибири»?
И где твое начало, Сахалин?
А с крутизны собор глядел с опаской,
Насторожив свои колокола,
На Каму,
 что бурлацкой опояской
У города торгового легла.
Не развиднялось. Мелкий дождик крапал.
А человек, начало всех начал,
С кулями соли пробегал по трапам
И, кажется, дождя не замечал.
И открывалась пристальному глазу
Реки непокоренная краса.
И уж не дождь, а чистые алмазы
На Чехова роняли небеса!

1976

Чердынь,
Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет,
 старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники!
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу рыскают,
Ткнув кистень за кушак.
Государству российскому
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правеж!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеня,

Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.
Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.
Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынь не двинется —
Чердынь двинет в тайгу!
Сдвинут парни российские
Годы,
 горы, миры —
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Здесь с лесным заточением
Свыклась
 Колва-река.
Тихо моет течением
Камни, кости, века...
Но, отбросив подробности,
Я из прошлого рвусь.
Трудно слились народности
В Великую Русь!

СОЛИКАМСКИЙ СКАЗ

К нам пришедший
из русской древности,
Как тревожный былинный сказ,
В камской,
вечно живой напевности
Открывается Соликамск.
И встает за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта
злая,
солёная,
ссылная
Твердокаменная земля!
Русь рубежная,
как ты выжила?
Сколько раз,
сколько раз, дотла,
До последней избушки
выжжена,
Ты под стук топоров росла!
Здесь от крови твоей
и пота
Солёны,
солёны ручьи...
Но хранила тебя
работа

Понадежнее,
 чем мечи!
Соликамск, ты моя частица,
Что века без меня жила.
Отглядели твои бойницы,
Отзвенели колокола.
Пусть же в русло одно
 сливаются
У любимой моей реки
И заводы,
 и солеварницы,
И соборы,
 и рудники –
Здесь такое
 сейчас наметилось,
Что подхватит еще
 молва!
На Урале сильна
 наследственность
И упорства,
 и мастерства.
Прикоснись же
 судьбою к Родине,
Все проверь –
 и любовь, и боль –
Там,
 где, словно на старой робе,
На земле
 проступает соль!

КАМСКИЙ МОСТ

В человеческой
 давней склонности
К городскому скопленью звезд
И в стремительной окрыленности
Начинается
 Камский мост.
Но в короткие те мгновения —
Прежде
 чем под колеса лечь —
Начинается мост
 с волнения
И с предчувствия скорых встреч.
Начинается
 сбор имущества,
Сувениров и пустяков...
Начинается мост
 из мужества
И из подвига пермяков.
Расскажи мне,
 пурга колючая,
Как от огненной той черты
Отступала
 контрреволюция
И рвала за собой мосты.

Пермяки
на февральской Каме,
Обрываясь,
кровавая лед,
Обмороженными руками
Поднимали
стальной пролет!
...Только так –
на ветру жестоком,
Только этим путем –
до звезд.
Встаньте,
люди!
Прильните к окнам:
Начинается
Камский мост!

1972

КУНГУРСКАЯ БЫЛЬ

Тойно-озеро, Тойно-озеро,
Незнакомое мне село —
Ни забвеньем не заморозило,
Ни годами не замело.
Там рябин огневая спелость
Дарит краски осенней заре...
Мне б увидеть ее хотелось
В восемнадцатом,
В сентябре.
Ночью филин надсадно ухал.
Но в предутренний злой туман
К Красной армии вывел Блюхер
Приуральских бойцов-партизан.
И забылись в разгаре встречи
Сотни верст по лесам глухим:
И кровавое то Трехречье —
Переправа на речке Сим...
Мы в легендах еще расскажем,
Как вы,
 смертию смерть поправ,
Шли вперед
 в окруженьи вражьем,

Молча гибли у переправ,
У предгорий, у перелесков –
До Кунгура
От Белорецка!

* * *

В ночи мокрые и безлунные
Осень жгла мелкоколосье хмуру.
Но шахтерская мать
из Луньевки
Без дорог добрела до Кунгура.
Вся в морщинах, сухая,
маленькая —
Повидала, зная, на веку...
Прямо к Блюхеру:
— Семы мамка я
Он —
в Уральском твоём полку.
Мне сыночка бы
повидать
Да гостинцев бы
передать...
...Твой шахтер,
твой меньшей, люби
Не вернется.
Убит твой сын.
Пулю вражью —
такой гостинец
Получил он на речке Сим.

Утешать тебя
 вряд ли надо:
Неизбывна беда твоя...
Но остались бойцы отряда,
Все они – твои сыновья!

* * *

В сырой осенней хмури
 листья парят.
А в городе Кунгуре
 идет парад.
По крышам, по оградам
 мальчишки – к небесам:
Блюхер парадом командует сам!
Помыты гимнастерки.
 Парад принимать
Будет шахтерка,
 уральская Мать.
В накидочке черной,
 лицом темна,
По площади просторной
 идет она.
Простая, незаметная,
 невидная совсем,
Такая безответная,
 что горько всем.
Брови-кусточки
 прихмурила свои
И охнула:

– Сыночки...

Сыночки мои!

С материнской жаждою –

живого б найти –

Всматривалась в каждого

на скорбном пути.

К парнишке какому-то –

а в голосе дрожь –

Прильнула:

– На Сёму-то...

На Сёму похож!

Плакать среди строя

бойцу не к лицу,

Глядит боец героем,

как следует бойцу.

Но в каждом горле

комом

бесслезные слова:

– А мать родная

дома

жива иль не жива?

А коль жива,

дождется ли?

Не кончен переход:

Еще нам брать придется

и Пермь, и Перекоп.

Еще не раз в атаке

нам падать в пустоту,

И огненные маки
 над нами прорастут.
Мы любим жизнь отчаянно –
 всей кровью из ран...
Но ждут нас Волочаевка
 и Тихий океан,
И будут нами пройдены
 все версты до одной
В боях
 за счастье Родины
 и матери родной!

ЧЕРДЫНСКИЙ ВЕЧЕР

Тени черные, вечерние –
От зари наискосок.
Берег Колвы
 возле Чердыни
И обрывист, и высок.
За рекой леса зеленые,
Вместе с ними – помолчи...
Солнце
 стрелами калеными
Мечет поздние лучи.
Здесь над белыми
 соборами
Птицы черные кружат,
Пять веков
 под косогорами
Люди русские лежат.
Не прибытком озабочена –
Для иного торжества
Собирала земли отчие
Дальновидная Москва...
Тишина такая хрусткая,
Словно льдинки по весне.
Старина такая русская,
Что она живет во мне.

Я того же роду-племени,
Что и те,
 под крутизной.
Холодит дыхание времени
Где-то рядом, за спиной.
Только музыка недалёкая
Льётся в сумерки, как свет.
Это школа музыкальная
Репетирует концерт.

1972

РЯБЧИКИ

(Чердынская быль)

Ешь ананасы, рябчиков жуй.
День твой последний приходит,
буржуй!

В. Маяковский

Охрана персональная
Явилась чуть свет:
– Гражданина Алина
Доставить в Совет!
– Нет на вас погибели...–
Седой, как песок,
Вздыхает первой гильдии
Уральский купец.
Его у порога,
Быстрый, как пожар,
Встречает Аппога,
Уездный комиссар.
Очи, как буравчики,
Насквозь пронзают гостя:
– У вас на складах рябчики,
Запасы продовольствия!
По строгому приказу
К такой-то срочной дате
Всю птицу буржуазную
Советской власти сдайте!
Власть до купца недобрая,
И разве ей постичь:

Самим царем едомая
Чердынская дичь!
Вогулы да зыряны
Обшаривали лес,
Чтоб в Питер, в рестораны,
Везли деликатес –
На царские банкеты,
На их, монарший, суд...
– А в Питере дети
От голода мрут!
...Он не дурак, Аппога!
Ему соврать рискованно:
Мол, вы побойтесь Бога,
Ведь все же конфисковано!
Ведут следы горячие
В болота, за омётики,
А там не только рябчики,
А там и пулеметики.
Тогда себе надгробье
Заказывай! Ишь,
Как смотрит исподлобья
Проклятый латыш!
На бровях подпалина,
Морозные глаза...

Гражданина Алина
Прошибла слеза:
– Прискорбна доля детская!
Что ж, сотворим добро...

(Известно, что купецкое
Чувствительно нутро!)
Утро морозное
Летит из-под копыт.
Утро полозьями
По снегу хрустит.
Дорожка завьюжена –
Прольешь сто потов.
В Усолье погружено
Сто пудов –
Мороженная птица,
Осенняя, упитанная.
Лети, как говорится,
До самого
До Питера!
Смеются по-ребячьи
Уральцы-продармейцы:
– Сгодятся детям рябчики,
Коль хлеба не имеется!
Делясь пайками скудными,
Когда и жмых – еда,
Окаменели скулами
С бесхлебья города.
Дороги очерчены
Пожарами в ночах –
Уже к Перми
и к Чердыни
Идет Колчак,
Чтоб шомпола горячие

Свистели по селу,
Чтоб подавались рябчики
К царскому столу.
Кровавая дорога
В Москву, как пуля, метится.
И комиссар Аппога
Еще с той пулей встретится.
При свете солнца ясного
За Лысьвой, по весне
Его поставят, связанного,
К высокой сосне,
Лихой поручик выстроит
Карателей отряд...
И в сосняке от выстрела
Рябчики
взлетят!

1968

ПАМЯТЬ

Герои Революции,

доныне

К вам мой Урал любовь свою хранит –

Есть на Урале гордые святыни,

Оправленные в бронзу и гранит.

Обычный облик и бессмертный подвиг

Матроса иль латышского стрелка

Здесь песней и живой легендой поднят,

Чтобы вернуться к людям на века.

Ты в думы их проникнуть постарайся,

И ты увидишь снова наяву,

Как шли на фронт железные уральцы,

Чтоб защитить свободу и Москву.

Глядят рассветы в сумрачные дали –

Туда, где ради счастья всех людей

Теперь навечно наши танки встали

На пьедесталах русских площадей.

И новый день так тесно

с прошлым спаян,

Что сразу входит он

в легенду, в сказ...

И добрая, торжественная память

Идет по жизни каждого из нас.

1982

ТОЙКИНСКИЕ ТРАКТОРА

В 1921 году в селе Тойкино
Пермской области работал первый
тракторный отряд американских
интернационалистов.

Ну что, казалось бы, решали
В невиданной борьбе миров
Затерянные на Урале
Шестнадцать этих тракторов!
И все-таки, горячим всплеском,
За тем оврагом, за бугром,
С утра гремел по перелескам
Неслыханный железный гром.
Навстречу новому рассвету
Он будоражил и будил.
Он слышен был на всю планету —
Врагу и другу слышен был.
Когда в разрухе,

в горе лютом

Деревня выбилась из сил,
За этим тракторным маршрутом
Ильич внимательно следил.
В ветрах Россия изрыдалась.
И все-таки волной тепла
К нам классовая солидарность
По большакам российским шла.
Все может в жизни примелькаться

За столько бурь, за столько лет.
Но трактора-американца
У нас остался добрый след.
И дышат мне в лицо озоном
Мои прикамские ветра.
И как гроза за горизонтом –
Те тойкинские трактора!

1972

КУВА ОСЕННЯЯ

Кува – мертвая вода
(в переводе с коми-пермяцкого языка).

Не плывут по Куве, чуть кивая,
кувшинки,
Не вплетаются в волны
лучей паутинки.
И, как летом, с полей зацветающей ржи
Не летят по утрам над Кувою стрижи.
Берега, где тайга отступает в низины,
Красным градом
усыпали гроздья рябины.
Да плакучий ивняк, да березка иная
Выйдет на берег, ветки в Куву окуная.
Ты течешь – не течешь,
ты жива иль мертва?
Мне за белым туманом не видно, Кува.
Только тот, кто назвал тебя мертвой,
не прав,
Он не ведал твой буйный,
безудержный нрав.
В напоенные талыми водами вёсны
Ты несла, как пушинки, столетние сосны.
Далеко ты глядело, уральское взгорье,–
Через Камское море
в Цимлянское море...

А сейчас на угорах поблекла трава,
И от летних трудов отдыхает Кува.
Отдыхает она от верхов до низовья,
Голубые леса положив в изголовье.

1958

ПАМЯТИ БОРИСА РУЧЬЕВА

Родной Урал – не только новостройки,
Рабочий гул мартенов и станков.
Большой Урал для нас –
еще и строчки
Ручьевских нестигаемых стихов.
Тут ни при чем
признание и слава –
Пусть говорят и бьют в колокола...
А это просто по земле
Любава,
Уральская красавица, прошла.
Романтикой
тогда не назывались
Палатки
и походные костры –
Стихи,
как и железо,
добывались
Из самых недр
родной Магнит-горы!
Я счастлив,
Что не ведал одиночества,
Не раз с Ручьевым шел –
рука к руке.

ВETERAНЫ

Ворчуны, жизнелюбы,
 в жизни вовсе не паиньки,
Мы – обычные люди.
 И не ставьте нам памятники.
На уральских заводах
 нашу жизнь продолжаете.
На заслуженный отдых
 вы нас провожаете.
Нас зовут ветеранами.
 Приглашают учащиеся.
Но рассветами ранними,
 к сожаленью, все чаще
За гудком пароходным
 по синеющим рекам
Мы неслышно уходим
 в звезды, в роздыми, в реквием.
И над нами закаты,
 как знамена, приспущены,
Коммунисты, солдаты –
 мы в бессмертье пропущены.
Вам и слезы, и славу
 этой жизни стремительной
Завещаем по праву
 первостроителей.

Но до будущих дней,
до великого таинства,
Мы листвою тополей,
мы травинкой дотянемся.
Споря, радуясь, мучаясь,
рвитесь в звездные выси —
Наша участь
теперь
от живущих зависит.

1984

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Молчаливо

и чуть растерянно,

Словно что-то оставил тут,

Я стою

у высокого терема,

Где учительницы живут.

Нет ни сада, ни огородика,

Ни пуховых перин про запас –

Только ласковый смех

да родинка

У застенчивых добрых глаз.

Ходу нет

в это царство девичье

Деревенской густой тоске,

То ль по-детски,

то ль по-студенчески

Здесь живут себе налегке,

Лишь на жаркие споры жадные,

Семь Аленушек –

вроде семьи...

До свидания,

милые жаворонки,

Горожаночки вы мои!

Вам спасибо

за песни до вечера,

За ночные стихи в тишине,

За ночлег,

до обиды доверчиво

Рядом с вами предложенный мне.

И пускай, зеленея от зависти,

Бабы строгие вас корят,

И что нету у вас

хозяйственности,

Сыновьям своим говорят, —

Здесь вам жить да жить

не стареючи,

Не сгорать в осенних кострах.

Мимо окон

Иваны-царевичи

Проезжают на тракторах.

И не надо им

огородика

И приданого в сундуке —

Лишь бы ласковый смех

да родинка

На прильнувшей к груди щеке.

1964

ПЕРВЫЙ ПОКЛОН

Старинный плат немного тронут молью,
Повязанный до седеньких бровей.

– Васильевна, куда?

– На богомолье!

Звала соседка, я уж вместе с ней...

Вслед маленькой и сухонькой старушке

Я посмотрел, невольно поражен:

В ее убогой, чистой комнатухе

Не видел ни лампадок, ни икон.

Хлопочущей в дому еще с рассвета

И в год ни разу не крестившей лба,

Ей прозвище не подходило это:

Смиренная господняя раба!

Вдове солдата, матери солдата,

Какую ей замаливать вину?

За мужа, что погиб еще в двадцатом,

За сына, что – в последнюю войну?..

Неслышная, в руках весь дом

держала,

Не жалуясь на трудное житье.

Белье стирала, внуков обшивала –

Тех, что теперь не помнят про нее.

Все – грамотеи.

А за год – ни строчки,
Жива она, здорова ли, больна.
Легко забыть, что родились в сорочке,
Что ту сорочку

сшила им она!

Она сейчас впервой поклон положит,
Покорный, истовый, до самой до земли...
Что из того, что Бог ей не поможет?
Мы, люди, тоже ей не помогли!

1957

Девчонкою испуганной и тоненькой
Она была, когда ее портрет
Я увидал впервые в кинохронике
Тех памятных послевоенных лет.
Тогда в селе невесты не невестились
И русской обескровленной земли
Мужицкие тревоги и профессии
Безропотные женщины несли.
Ее в то время выдвигали, видимо.
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.
Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после – неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.
– Эй, делегатка! – муж гогочет,
тешится. –

Слетай за водкой...

Сала, што ль, поджарь!

Не для нее

пред выступленьем тезисы

Теперь писал партийный секретарь.

Она сроднилась с бедностью,
как с гордостью.

И так, по той утоптанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости – трактор ХТЗ.
Но как-то раз весною у околицы,
Когда прохожих ливень гнал в жилье,
Мне встретились две ясноглазых
школьницы,
Две возрожденных юности ее.
Как листья,

липли к телу платья влажные.
Но, видно, все им было нипочем!
Они с землею этой были связаны
Рождением, детством, радугой, дождем.
Ну, а земля дымилась, плодородная.
И жизнь бродила в каждом стебельке.
И первый гром, как слава всенародная,
Опять искал кого-то вдалеке.

1963

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.
– А ну, поработай немножко! –
Андрюшке, меньшому, кивнул.
У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд,
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.
Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

– Батя, смотрите,
Как вы, я умею...

одной!

«Рука у тебя золотая», –

Отцу говорят мужики.

Эх, как же ему не хватает

Зарытой под Ржевом руки!

В мозолях, из мяса и кожи,

Живую – еще бы одну!

Чтоб в клубе похлопать

в ладоши,

Обнять, да покрепче, жену.

...Щекою к шинели припала,
Смеялась, ревела ревмя...
– Ты вот что, Андрюша, – не балуй.
Работать сподручней двумя!

1958

ПРИЕХАЛИ ФИННЫ

Под утро —
слабенький
Стук у дверей:
— К нам финны,
бабоньки!
Скорей
на рейд!
Шкафы все —
настежь,
Летают платья.
— К лицу мне, Настя?
— О-ох, ладно, Катя!
А солнце — выше,
Жжет
соком вишенным,
На берег вышли —
Как шелком вышили,
Березок краше,
Цветов цветастей
Маруси,
Глаши
и Анастасьи.
Их видел в деле
Речной простор.

– Ох, что надели? –
Кричит парторг.
– Эх, работа жаркая,
Эх, оплата сдельная,
Замочить не жалко мне
Туфельки модельные!
Выводят
 бревенки –
С багром, как с посохом,
В сапожках новеньких
Идут, как посуху,
Глядят невинно,
Бровь
 не прихмуривают.
В сторонке финны
Стоят покуривают.
Толк знают сами
В любом заломе –
Не здесь,
 на Каме,
А там,
 в Суоми.
Стоят и сетуют,
Покорены:
– Эх, нам бы этаких!
...Самим нужны!

1962

Что ни день у колонки
Снова бабья страда.
Домовито и звонко
Хлещет в ведра вода.
Здесь стоят – не судачат,
Не рядят ни о ком,
Глаз стыдливо не прячут
Под цветастым платком.
Провожает усмешкой
Понимающий взгляд:
Проходи, мол, не мешкай,
Не платил за погляд!
Я и сам понимаю,
Вам ли время терять?
И полы вымыть к Маю,
И белье постирать.
Много разностей разных
Мучит вашу сестру.
Людям праздновать праздник –
Вам стоять на смотре,
Чтоб в дому ни соринки,
Чтоб сверкало окно,
Чтобы стало от синьки
Даже небо
синё!

1962

ПОСЕЛКОВЫЙ МАГАЗИН

За сотни верст
 от станции
Он здесь, в тайге,
 один —
С шести
 до девятнадцати
Открытый магазин.
С рассвета
 в двери узкие,
В отчаянный галдеж
За хлебом
 и закусками
Ныряет
 холостежь.
К порядку — невнимательна.
— Скорей! —
 кричит с крыльца
И только что не матерно
Ругает продавца.
На чашках неизменная
Взлетает колбаса,
И магазин
 пред сменой
Пустеет в полчаса.
Завмагу
 делать нечего:

Лишь две старушки –
очередь.

До вечера.

А вечером
Хозяйствуют рабочие!
На все глядят
уверенно,
Вещь выбирая добрую.
Берут костюм,
не меряя,
На ощупь

книги пробуют.
И девочки фигурные,
По-модному причесаны,
Идут сюда

с культурными
И прочими запросами.
О продавщицы
кроткие!
О благ столпотворение!
Здесь рядышком
с селедкою

Мои стихотворения,
Здесь ветер щели выдует,
На шторках –
пятна сальные.

Но все-таки
завидуйте
Ему, универсальные!

1963

В час желанной получки
У окошечка в ряд,
Приодевшись получше,
Лесорубы стоят.
На крылечке махоркой
Подымят, помолчат.
За дощатой заборкой
Тихо счета стучат.
Справедливости ради,
Не без важных причин
Самой лучшей бригаде
Уступают почин.
Парни – двадцать от силы.
А подходит черед –
По призыву кассира
Выступают вперед.
За бессонные ночи,
За рабочие дни
Нынче деньги, как почесть,
Принимают они.
Все наряды проверяют:
Получать – так сполна!
А поодаль у двери
Ждет кого-то жена.

Кто-то горестно ахнет:
– Все, теперь не уйдешь...
А что деньги не пахнут,
Это черная ложь!
Кто в лесу не работал,
Лишь тому невдомек,
Что и солнцем и потом
Пахнет летний денек.
Сосны в желтых накрапах,
Пахнут дымом костры.
А на плотбище – запах
Отсыревшей коры.

1963

В ЛЕС ПРИШЛА СТОЛОВАЯ

Все пути метель переметала.
Но пришла в пермяцкие леса
Новая столовая

и встала

На свои четыре колеса.
Вымыт пол в вагончике до блеска.
Стол сосновый. Лавки у стены.
Над окном порхает занавеска
Необыкновенной белизны.
И дрова в печурке затрещали.
И глядишь – через часок-другой
Добрыми наваристыми щами
Пахнет над заснеженной тайгой.
Злых, изголодавшихся до черта,
В этот теплый и уютный мир
Нас впускает

в фартучке девчонка –

Повар, калькулятор и кассир.
Ей никто словца не скажет грубо:
У хозяйки норов есть

и власть.

А насытятся, встанут лесорубы –
Силушка по жилам разлилась!
Про запас ты выпьешь чаю кружку,

Выйдешь –

и мороз не так уж лют...

Нет, не зря веселую девчушку
Сверстники кормилицей зовут.
А она смеется, моет миски.
И на мерзлой до корней земле
К нам приходят

ласковые мысли

О весне, о солнце, о семье.

1964

Хотя в снегах нетронутых
Над Камой берега,
Запахла вдруг
 антоновкой
Уральская тайга –
Да так,
 что лето новое
Лучисто и светло
В рабочие столовые,
Как будто в сад, вошло!
Сердцами
 гордо властвуя,
Храня цвета зари,
Здесь
 яблоки грудастые
Лежат, как снегири.
Смеясь,
 девчата ладные
За несколько минут
Дары далекой Латвии
В охотку разберут.
Подсядут парни русые:
За вами, мол, должок!

Эй, яблоко,
похрустывай,
Как под ногой снежок.
– Пришлись по вкусу
яблочки?
Так ешьте на здоровьице! –
На милых щечках
ямочки
Лукавее становятся.
Нет, не от Бога явно
Старинный тот искус –
Жизнь пробовать,
как яблоко.
На ощупь и на вкус!

1964

Отставлены стулья в сторонку.
И первой, раздвинув подруг,
В дешевеньких клипсах девчонка
Влетает в раздавшийся круг.
И охнул баян в изумленье,
Ожег поселковых ребят.
Одни на нее с восхищеньем,
Другие – с насмешкой глядят.
Она же от множества взоров
Застыла, смутилась на миг
И бросилась в пляску, как в прорубь,
И тоненько вскрикнула: – И-их!
Повадкой на лебедь походит,
Всей юною статью берет.
То с вызовом грудью поводит,
То вдруг озорно подмигнет.
Мол, как же он бросил такую?
Ведь вот она я – на виду.
Ославил? Так я же танцую.
Оставил? Другого найду.
Девчонка все кружит и кружит,
Платочком махнет голубым:
Мол, кто из нас, миленький, хуже –
Мы это еще поглядим!

Парней разжигает припевкой,
А взгляд и лукав, и лучист.
— Вот девка! Ведь черт, а не девка! —
Бывалый твердит баянист.
И щеки красны, как с мороза.
И горюшка нет ни о ком.
И что она —
 пот или слезы —
С лица утирает платком?

1957

Бабье лето –
Вроде балета.
Скользят из тучки лучики,
Бледные, как мученики,
Земли едва касаются,
Ничто их не касается:
Ни крашенные волосы,
Ни флирт, висящий в воздухе,
Ни боевые возгласы
Поднаторевших в отдыхе.
Забавно!
Все-таки лето действительно
бабье.

Юбочкой вея,
Тонная, сонная,
Дачная фея,
Почти невесомая, –
По дрызгам,
По кочкам,
По пляжным грибочкам,
По занавеске розовой,
По жердочке березовой.
Ох, до чего ж нелепо!
Из грозового лета

Чуть слышным передатчиком,
Встревоженным гудочком
К весьма довольным дачникам,
К их подневольным дочкам,
К чужим,
 как на покойнике,
Цветкам на подоконнике.

1964

Плакат вовсю полощется
Над кузовом трехтонки.
Сидят под тем полотнищем
Красивые девчонки.
Минуточки расстанные –
Зови, зови, дороженька!
Их девичье приданое
Не в сундуки уложено.
Романтикой просватаны,
Уралочки сердечные
Носить умеют ватники,
Как платья подвенечные.
Томясь тоской-кручиною,
Недаром парни рослые
Столпились за машиною,
Как пережитки прошлого.
– Романтика романтикой,
А может быть, на деле,
Вам просто наши мальчики
В поселке надоели?
– Идите к нам в попутчики!
А впрочем, верно судите:
На целине-то – лучшие,
А вы – похуже будете.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

Гремела площадь привокзальная.

И вот

уралочка смущенная

На ней возникла,

как воззвание,

К хорошим людям обращенное.

Москва нарядная, вечерняя

Ее в огнях своих купала,

Но глаз восторженных свечение

Ничуть огням не уступало.

Девчонка поднимала голову,

В предчувствии

грядущих молний

Гляделась в этот блеск неоновый

И видела себя Ермоловой

И даже – о восторг! – Нееловой!

Она б заплакала, не вынесла...

Толпа

ее к трамваю вынесла.

О немота в преддверье конкурса,

О страх экзаменов столетний!

И в этих дебрях,

вместо компаса,

Московские,

как плети, сплетни:

Что все ценители и судьи
Живут,
 как пауки в коробочке,
Что бродят возле киностудии
(В мороз!)
 девчонки в лакировочках,
Что даже
 некие красавицы,
Привлечь внимание бессильны,
Страдая,
 чуть ли не бросаются
Под те автобусы «Мосфильма»,
Что кое с кем
 дружить приходится,
Ну, а ему с тебя —
 приходится:
Средь в институты поступающих
Немало
 так вот
 поступающих.
Опять дома в огнях,
 как в рамочках,
Спешит такси,
 Москвою рыская,
А в нем сидит себе
 уралочка,
Сидит девчоночка российская.
Немножко нервно и запальчиво
Она хохочет-заливается,

Но строги,
 словно небожительницы,
Прошедшие
 Урала выучку,
Твои подружки общежитские
Уже спешат к тебе на выручку.
И каждым птичьим стуком сердца
Ты все же с ними,
 а не с теми...
Ты молча открываешь дверцу.
Ты прыгаешь
 куда-то в темень.

1964, 1984

НА ЛЕСОВОЗНОЙ ДОРОГЕ

Теперь-то я знаю, что стоит тепло!
В знобящий мороз на лесистом угоре
В замасленной стеганке, молча и зло,
Копался шофер в онемевшем моторе.
Кровь с пальцев негнущихся вытер. И встал.
Устало в усы улыбнулся, и ожил,
Да, все-таки ожил холодный металл
С примерзшими крепко лоскутьями кожи!
А дальше все просто.
Машина ушла
И скрылась за чахлым леском у болотца.
И понял я:
Каждая капля тепла
Лишь с болью,
 лишь с кровью и мукой дается.

1957

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

В гостинице тепло и многолюдно.
Под лампочкой желтеет пыльный свет.
Заночевать сегодня будет трудно:
Который день свободных коек нет.

Проехать дальше ночью и не мысли.
Что разберешь в кромешной мокрой мгле!
Дожди, дожди... Дороги пораскисли,
Колеса вязнут в жидком киселе.

Который день
 здесь люди спят вповалку,
Загромоздив пожитками проход.
Молчат, жуют, вступают в перепалку
И ждут погожий солнечный восход.

Резонно судят о лесных порядках,
О заработках и делах иных.
И, притомясь в дороге,
 пьют с устатку
Холодный спирт из кружек жестяных.

Под потолком клубится дым махорки.
И, взгромоздясь поверх своих вещей,

Здесь женщины мужей ругают горько
И кормят грудью бледных малышей.

А подобрев, жена переселенца,
Еще ворча, копается в мешке
И режет хлеб на белом полотенце,
На вышитом полтавском рушнике.

А утром
 (что машина будет скоро,
Секретными путями разузнав),
Галдя,
 обступят женщины шофера
И дергают за кожаный рукав.

1956

ЗА ПЫЛЬЮ ДОРОГ

*Мастеру лесозаготовок
И. Вольфу*

За пылью дорог
на краю земли –
Горбатый пермьяцкий бор.
Сюда в сорок первом
тебя привезли
И дали в руки топор.
И не было веры жалким словам
О том, что не виноват.
В тайге
ты скоро увидел сам:
Лес рубят – щепки летят.
Ты видел:
идет такая война,
Что в тыщах горчайших доль
Почти не заметна
и не нужна
Твоя обида и боль.
В Поволжье
на дедовских хуторах
Медвяный цветочный дух.
Но прошлое – прах.
И кто тебе враг,
И кто тебе,
немец,
друг?

Гатил он болота и строил мосты.

За что ж ему отвечать?

Но жег его

честный немецкий стыд,

Как каинова печать.

Он трудную воду из Камы пил,

Ел хлеб неродной земли,

И сосны, которые он рубил,

С другими

в плоты легли.

Нелегкая доля,

немалый срок –

Семнадцать весен и лет.

И снова –

раскрытая даль дорог,

Есть паспорт, и есть билет.

Дает пароход

отвальный гудок,

Пути выбирать веля.

Так что же

каждой травинкой у ног

Держит тебя земля?

Ты добрую воду

из Камы пил,

Ел хлеб трудовой земли,

И сосны,

которые ты рубил,

С другими

в плоты

легли!

Рабочая доля,
 почетный срок —
Семнадцать весен и зим...
Так где же,
 за пылью каких дорог —
Ты край назовешь
 своим?

ПРОСЕКА К СОЛНЦУ

Я здесь, в лесах Урала,
Проникнутых безмолвьем и смолою.

Пабло Неруда

Лес был вокруг.
Был для грибов и ягод,
Для детского протяжного «ау!»,
Для нужд крестьянских и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.
Морошка, да рябинки-сиротинки,
Да жухлый мох, да ветки до земли.
Звериные тропинки,
Как морщинки,
И вкривь и вкось леса пересекли.
Шел от болот гнилой и прелый запах.
Цвел иван-чай, стелился курослеп.
Держали ели

солнце

в цепких лапах:

Был даже полдень
Сумеречно слеп.
Тянуло гарью от лесного пала.

Лежал в ложбинах ноздреватый снег
В июне даже...
... И в леса Урала
На помощь солнцу
Вышел Человек.
Шел реками,
Студеными ключами,
В болотной тине по колена вяз,
В тайге деревья раздвигал плечами –
Сам о себе слагал былинный сказ.
Дороги строил.
Вел плоты по Каме.
И лес,
Почуя рук его размах,
Послушно становился
 кораблями,
 домами
 и огнем в домах...

Теперь,
Как только зорька занималась,
Она хорошим делом занималась.
Не просто солнце землю освещало –
Свой каждый лучик
 людям посвящало:
Чтоб пилы злились,
 тракторы ворчали,
Чтоб люди
 день
 с достоинством встречали,

Чтоб в темноте не жили-пробивались –
А просекою к Солнцу
Пробивались!
Пришел конец таежному безмолвью.
Лес был вокруг.

И было в нем светло.

И стало счастьем,
Радостью,
Любовью
Лучей освобожденное тепло!

1958

В цехах, у станков,
у мартенов
Рабочая юность встает,
Твоя начинается смена
И твой наступает черед!
На плечи, почти что
ребячьи,
Нелегкою ношей легли
И взрослые века задачи,
И взрослые думы земли.
Хлеб вызрел, и сталь
закипела,
И вышли на Каму
плоты...
Но самое главное дело —
Которое делаешь ты.
У будущих дней
на примете
Ты вырос в уральском краю,
Ты, как за Россию,
в ответе
За эту работу свою.

Ты должен судьбу свою смело
С Россией навеки связать,
И нужное выполнить
дело,
И нужное слово сказать.

1982

Вновь солнце в свои восходы
Расплавленный льет металл –
Иду на твои заводы,
На шахты твои, Урал!

Ты дал мне любовь и счастье,
Не раз отводил беду,
И я хочу быть
причастен,
Урал, к твоему труду,

Чтоб стали поэзии строки
До самой последней строки
Крепки, как твои новостройки,
И, как они, – высоки!

1982

ЦВЕТЫ И КАМНИ

Там, где летнее солнце щедро
Напоило лесной Урал,
Поднимаются к небу недра
На возвышенных гребнях скал.

Я пройду по холмам Прикамья
Сквозь размывы российских гроз.
То ль цветы обернулись в камни,
То ли камень цветком пророс.

Разнотравье лугов так ясно
Даже в недрах Урал хранит:
Василек – лазурит,
лютик – яшма,
Травка малая – малахит.

Чтоб мы стали чуть-чуть добрее,
Из тяжелых земных глубин
Голубым огоньком кипрея
Пробивается аквамарин.

Я иду, пригибая ветви,
И, как в юности, мне видна
Жизни радость и разноцветье,
Неоглядная глубина.

Вновь дышу травяным настоем,
Чтобы все-таки проросло
Самым нужным и честным словом
Все, что сердце когда-то жгло.

1980

Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян суетлоке,
Неслышно в кухоньке сидел.
Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи, –
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.
Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились.

Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.
Он был для всех не то что ворогом,
Но им никто не дорожил.
И – бывший мельник – нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

А дед глядел тепло и ласково,
Таясь и, видимо, боясь,
Что с ним,
В ту пору чуждым классово,
И мы порвем любую связь.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Орехи добрыми пригоршнями
Он щедро доставал для нас.
И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Орехи падали,
Стуча по лесенкам крыльца.

... Изба под крышею соломенной,
Где я мальчишкой не играл,
Где дед – с ногой,
 прикладом сломанной, –
Три дня при немцах умирал.
Гуляет ветер под застрехами.
Орешник – вот, всего в версте.
Пойдешь с братишкой за орехами,
Да все – не те... Да все не те!

1964

Под утро пала изморозь
На улицы села.
Березовая изгородь
От инея бела.
За Камой дымка выюжится.
Прозрачно и легко.
Поблескивают лужицы
Сиреневым ледком.
А по весенней наледи,
Помедлив у ворот,
Нарядная, как на люди,
Уралочка идет.
Высокие ботиночки,
Шагает налегке –
Родная до родиночки
На беленькой щеке.
Со мной почти что рядышком
Вздохнула и прошла
И лишь задела краешком
Сердечного тепла.
Но разве мало этого?
На то и есть она –
С морозными рассветами
Уральская весна!

1962

СПАСИБО ЖЕНЩИНЕ

О сколько таинств в женщине таится —
Светла, как звезды,

как земля, щедра.

Спасибо ж ей

за подвиг материнства,

За дар любви и торжество добра.

Еще зима. Еще на сердце зыбко

От замети, от выюжной маеты.

Но женщины весенняя улыбка

Нам возвращает солнце и цветы.

Она везде, на Темзе иль на Каме,

В извечной дружбе с мирною весной;

И, как ребенка, обняла руками

Весь этот беспокойный шар земной.

1985

Дан с утра и до вечера
Шар земной
 для ребят.
По-ребячьи доверчиво
На взрослых глядят.
Как цветки,
 раскрываются
Глаза у детей...
А земля раскаляется
От тревожных вестей.
Палачи и убийцы
Снова
 зверства творят,
И пылают больницы,
И школы горят!
Человек!
 Что молчишь ты?
Ты себя не сберег,
Если кровью мальчишки
Обрызган порог.
Равнодушных и сонных,
Совесьь,
 к гневу зови:
Если ранен ребенок,

**Вся планета в крови...
Сбереги,
 человечество,
Шар земной
 для ребят –
Пусть же дети доверчиво
На взрослых
 глядят!**

1981

ШУМЯТ МОЛОДЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Шумят молодые деревья –
Шестнадцать березок подряд.
С войны не дождалась

деревня

Шестнадцать хороших ребят.
Напомнят тревожные были
Березоньки шумом ветвей...
Их матери здесь посадили,
Оплакав своих сыновей.
Победные майские грозы
Остались давно позади,
Но, как материнские слезы,
На землю все льются дожди.
А в час золотого заката
Шумит молодая листва.
У этих березок девчата
Заветные ищут слова.
И радости быть, и веселью
В просторах родимой земли...
В свою материнскую землю
Березки корнями вросли,
В лучах незакатного солнца
Ровняют торжественный строй.
А память живой остается,
И боль остается живой.

1980

КОЛЮПАНОВСКИЕ ЭМАЛИ

Ошалев от забот и планов,
Схвачен творчеством,
 как тоской,
Живописец Степан Колюпанов
Запирается в мастерской.
Тучи низкие за оконцем.
Но случится –
 и в миг един
Полыхнет
 нестерпимым солнцем
От железных его картин.
Надо жить,
 и довольно маяться!
Половодьем
 смывая грусть,
Здесь гуляет наотмашь
 Масленица
И строитель
 возводит Русь.
Что рядить – хорошо ли, худо ль?
Этот праздник бы – на народ,
Потому что любовь и удаль
В каждом сердце сейчас живет.
Не хитрил художник
 по-лисы,

А работал,
 упрям и смел.
И плавильные печи Лысьвы
Он в соавторы взять сумел.
Так идет
 в глубине России
Тихий поиск и долгий труд.
Ну а после –
 придут другие,
Поухватистее придут.
...В мастерской
 картина стояла,
И сквозь будничную пыльцу
Каждой краской
 она пылала.
И струились огни Урала
У художника по лицу.

1971

Тихий трепет газели,
Детский очерк лица.
Каждым жестом в «Жизели»
Ты взрывала сердца.

В сто биноклей расстрелянной,
Я шепчу: – Оживи!
Сделай шаг от потерянной
До бессмертной любви.

Может, это от Бога –
Дух, тростинка, лоза...
В ложе у педагога
Чуть влажнеют глаза.

Здесь бы жить и остаться,
Где ликует мечта,
Где возвышенность танца
И его чистота.

Ухожу я отсюда,
Блещут молнии вслед...
Здравствуй, русское чудо,
Здравствуй, Пермский балет!

1976

ХУДОЖНИКАМ ОЛЕЙНИКОВЫМ

Урал явили вы не каменным,
А – трепетным, живым и пламенным:
Мы просто рады краскам Родины.
И тем картины хороши,
Что из любви к народу созданы,
Из нитей сердца и души.
Нам здесь понятно, что искусство
Всегда в долгу у доброты...
Спасибо вам – за правду чувства
И за возвышенность мечты!

1984

Владимиру Черненко

Когда дожди, по окнам морося,
Рыдают так, что сам бы разрыдался,
Ко мне стихи приходят, как друзья,
С которыми я долго не видался.

Но общей темы сразу не найдешь,
От прежней дружбы пахнет мавзолеем.
Слова, слова... — Ну, как, старик, живешь?
— Да вот, живу!
— Стареем, друг, стареем!

Стихи, как гости, словно начеку,
Строка строке неслышно что-то шепчет:
— Давайте выпьем...
— Может быть, чайку?
— Чайку — пожалуй.

Но смотри, не крепче!

О вы, мои непьющие стихи!
Я ждал от вас совсем, совсем иного.
Вы что-то подозрительно тихи,
Как родственники в комнате больного.

Я вас понять сегодня не могу.
Да что вы, позабыли в самом деле,

Как мы по бездорожью шли в тайгу
И у костров в обнимочку сидели?

Ах, болен я? На это мне плевать!
Ведь мы подвластны не домашним бурям.
Еще мы будем женщин целовать,
Еще не раз, друзья, набедокурим!

Что, дождь прошел? Откройте же окно!
Садитесь-ка! Вот стул, вот подоконник.
И к черту чай,
мы будем пить вино.
И не жалейте – я вам не покойник.

1976

В муках правду искали,
В тщетной жажде добра
На острожном Урале
Пермяки-мастера.
Их резные изделия
Не сулили покой –
Жили боги из дерева
Черной жизнью людской.

Сквозь елеи медовые,
Сквозь молитвенный гул
Бог кричал,
 замордованный,
Как охотник-вогул.
Не кора,
 а короста
На плечах от плетей.
Только дух непокорства
Полыхал из очей.

Мир живой и объемный
К богу плоских икон,
Как язычник исконный,
Не пошел на поклон.

Вывозила кривая
Сквозь столетний туман.
И богов укрывали,
Словно беглых крестьян.

И хлестали Исуса
По мужицким бокам,
Ибо правда искусства –
Это вызов богам!

1971

В УТРЕННЕЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Она сидела в электричке
Совсем одна среди парней.
Младенца розовое личико,
Как к солнышку,
 тянулось к ней.
И в мире том, что нам неведом,
Для малыша недель шести
Являлась мать Землею,
 хлебом,
Началом Млечного Пути.
Гордясь, она и не скрывала
Своей судьбы,
 своей красы
И лишь платочком прикрывала
Отягощенные сосцы.
Была расстегнута спецовка,
Виднелось белое белье.
Но с целомудрием отцовства
Взирали парни на нее.
Шутили:
 – Эх и работенка!
Дает парнишка за двоих!
Потом притихшего ребенка
Взял на руки один из них.

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал,
Вздыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

1964

Никого утешать
да и сам утешаться не стану.
Ни на службе, ни дома
теперь мне его не застать.
На весенней земле
мы лопатами вырыли рану –
Долго ей кровоточить
и в наших сердцах зарастать.
Горько мне говорить,
что мы память о нем сохранили,
Если память жива,
ну а все остальное – мертво.
И все кажется мне,
что ошиблись – живьем схоронили
И улыбку, и смех,
и приветливый голос его.

1981

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевою морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь –
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей –
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка...
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька.

1966

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму – насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.

Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

1967

Л. Давыдычеву

И все-таки

мы в смерть родных не верим,

Она для нас пугающе чужда.

И равнодушны к тягостным потерям

Дарованные вечностью года.

Все тот же день.

Все тот же лист осенний,

Слетев с березы, кружится легко,

И мы живем в счастливом заблужденье,

Что где-то, очень-очень далеко,

Еще во ржи звенит кузнечик тонко,

Еще траву босые ноги мнут...

А вдалеке

так радостно и звонко

Нас молодые матери зовут.

1964

Земля передо мною виновата,
Любая –

в солнце, в радуге, в дыму...

И что сулят кровавые закаты,
Неведомо сегодня никому.

А притворялась:

зеленью светила,

Пыталась ветром ласковым обнять.

Но только для того меня растила,
Чтоб самое любимое отнять.

Не злаку здесь расти,

а злому зелью,

Истоку сумасшедшего огня.

И плачу я.

И спрашиваю землю:

Зачем взяла ты

маму

у меня?

1967

Сквозь березы
 светло и знакомо
Вновь глядит на меня рассвет.
Все – как прежде.
И только дома,
Материнского дома нет.
Нет пристанища в людном мире,
Где не судят,
 а просто ждут.
И в знакомой твоей квартире
Незнакомые люди живут.
Я ловлю
 этот блеск мгновенный
Молодого земного дня.
Но от звезд и планет Вселенной
Тянет холодом
 на меня.
И Земля бы давно застыла
Зимней птицею на лету,
Если б только не сохранила
Материнскую доброту.
И мне слышится голос ласковый
Дальним эхом твоей любви:

– Не ищи меня,
 не оплакивай,
А во имя мое – живи!
Надо жить.
И дымят заводы,
Дышат травы, зовет гроза.
И висят надо мною звезды,
Как заплаканные глаза.
На земле, на дорогах разных,
Где пройти мне и высь, и дол,
Мама, ты моя боль и праздник,
Мой вовек неоплатный долг.

1968

Я жить хочу
 в годах пятидесятых.
Хочу бродить,
 как в утренних садах,
В тех позабытых, временем распятых
И все же —
 вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб,
 и днем и ночью,
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг
 сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля
 так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

1972

Как хорошо, что есть на свете люди,
Которые, с рожденья зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чаю
Однажды в год зайдешь на пять минут –
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут.
Про жизнь, здоровье справятся сердечно,
И хороши ль, плохи твои дела –
Ты все для них тот мальчуган потешный,
Что сделал шаг от стула до стола.
И ты уйдешь, той ласкою отмечен,
Не так, по правде, ею дорожа.
А через год узнаешь вновь при встрече,
Что вырос и, пожалуй, возмужал.
И в той любви, простой и немудрящей,
Всегда ты юн – хоть до волос седых.
Вы заходите к ним, друзья, почаще:
Ведь с каждым годом меньше,
менше их...

1958

Кама,
Медленная странница,
Я опять к тебе иду.
Мы живем,
А ты не старишься –
С новой юностью в ладу.
Звезд и глаз
Такое множество
В глубине хранишь своей.
Все твое.
И только мужество –
Доля смертная людей.
Мы ни в чем не виноваты,
Наша доля – высока...
Как последний след утраты,
Проплывают облака.
Роща веточки развесила –
Над землей и надо мной.
И нисходит равновесие
Между небом
И землей.

1984

Иду над речкою тропинкою знакомою,
Туман колышется, над берегом плывет.
Не угадать в тумане том,
Далек ли мой родимый дом,
Где столько лет меня родная мама ждет.
В лесном кустарнике
Краснеют волчьи ягоды.
Под ноги стелется студеная роса.
Кукушки голос мне сказал:
К тебе я, мама, опоздал –
На целый год, на целый день,
на полчаса...
Ну что ж, встречай меня,
потерянная родина!
Пускай в разлуке
много трудных лет прошло –
Еще не выпали снега,
Еще поля, еще луга
Хранят родное материнское тепло...

1984

ОЖИДАНИЕ

Кто скажет,
Что такое ожиданье?
Зимой мы ждем,
Когда придет весна.
Ждем светлого
Рассветного сиянья
В ночи, когда от боли —
не до сна.
Ждем первого заветного
свиданья
И нить надежды бережно прядем.
Всю жизнь мы ненавидим
ожиданье —
И всю-то жизнь
чего-то ждем и ждем.

1981

МОЙ РАЗГОВОР С ПРОФЕССОРОМ

Я, пожалуй, весной
запретил бы экзамены.
Я пришел бы к профессору
и попросил:
– Отложите!

Вы поймите:
черемуха в белом неистовом пламени –
В личной жизни студентов
одно из немалых событий!

Согласитесь, профессор,
что, в общем, довольно невесело
Перелистывать книги,
конспекты свои,
Если рядом в саду,
как студент за неделю до сессии,
Повторяют ночами
программу свою соловьи.

Неужели же сердце
у вас сединой заморозило?
Вы прислушайтесь к песне:
ей тесно в стенах общежитий.
На весеннее небо,
на майскую робкую прозелень –

Посмотрите на все это
и отложите!
...Встанет с кресла профессор
и, книжные полки минуя,
Выйдет, тростью стуча,
на залитое солнцем крыльцо.
А забытая молодость
вдруг подберется вплотную
И заглянет в лицо.
С головой непокрытой
он будет стоять, седовласый,
Озираясь вокруг
из-под строгих опущенных век,
И задумчиво скажет:
– Не вижу больших разногласий
Меж природой
и жизнью людей, молодой человек!
А весна отзовется
в груди его сердцебиеньем,
Светлой памятью встреч
и пройденных когда-то дорог.
И на тополе юном
профессор неловким движеньем
Осторожно расправит
примятый зеленый листок.
Он пройдет по аллее
спокойно и неторопливо,

Там, где яблони цвет свой
 роняют на буйном ветру,
И негромко заметит:
 – Да, все это очень красиво,
Но ведь эта поэзия –
 самый настойчивый труд.
Но ведь разве весна –
 только миг быстротечный цветенья?
Зрелость спелых плодов –
 вот минувшей весны торжество!
Ну, а молодость...
 Ваше пред ней восхищенье
Мне понятно, мой друг.
 Я всю жизнь разделяю его!

1953

Теперь мне кажется чудом,
Что ты, отложив дела,
Назло любим пересудам
Часами меня ждала.

Скорей уйти за ограду
Спешила на тихий стук,
Забыв про косые взгляды
Любимых твоих подруг.

Над нами в июньской дали,
Сердясь, ворчала гроза.
Мы только туда шагали,
Куда глядели глаза.

И нам невдомек, что вечно
Они выдавали нас
Всем встречным и поперечным
В саду, на пляже заречном,
У театральных касс.

И вот обо всем, что было,
Всему, что было, назло
Ты говоришь:

– Забыла!

Ты говоришь:
– Прошло!

А я забывать не буду,
Забыть и тебе не дам.
Пусть все это было чудо.
Но я его видел. Сам.

1953

О ливень, лей – хотя бы до ночи,
По листьям, лицам, на авось.
Весна, глаза твои девчоночьи
Меня увидели насквозь.

Ты в небе тучку тянешь волоком –
Как будто нехотя, с ленцой.
И розовеет там, за облаком,
Твое лукавое лицо.

Ты надо мной качаешь веточку,
Ты надо мной хохочешь всласть.
Ах, в блузке в синенькую клеточку,
Скажи, откуда ты взялась?

Но я не удивлен ни капельки!
Ты из заречного села,
Роняя с кос дождейки-капельки,
Ко мне по радуге пришла.

1964

ПИСЬМО

Осень мокрыми ветками
 к окнам притворенным клонится,
Застучит по стеклу,
 а посмотришь – не видно ни зги.
Снова дождь на дворе.
 Он привычен мне стал, как бессонница,
Как тоска по тебе,
 хоть беги от нее не беги.
В сутках двадцать четыре часа.
 Никакого сомнения –
Все они сговорились
 и медленно сводят с ума.
Есть же счастье на свете!
 В почтовом любом отделении
Многим людям дают его
 в виде письма.
Только ты все не пишешь,
 и можно дойти до отчаянья.
Мне все чаще мерещится
 всякая дикая чушь.
Что угодно, что хочешь,
 но лишь не тупое молчание –
Осторожность трусливых,
 весны не изведавших душ!

Ты была не такая.

Упрямая, злая, капризная,
Может быть, легкомысленна,
может быть, просто – легка,
Но ты светом весенним,
ты солнцем горячим пронизана,
От волос и до тапочек
мне бесконечно близка.

Только ты не подумай,
что буду я счастье вымаливать.

Просто к горлу подходит
какая-то горькая злость.

Значит, сам виноват.

Значит, жгучее марево
Мне увидеть еще раз
в нелегком пути довелось...

Начинает светать.

В сизой дымке деревья и здания.
Я навстречу рассвету
свое раскрываю окно.

Скоро солнце взойдет.

Дорогая моя, до свидания –
Я уверен, что все-таки,
все-таки будет оно!

1953

Очевидно, наступает вечер,
Я иду, и все длиннее тень.
Лишь в дождинке,
 лишь в снежинке вечен
Нашей встречи самый первый день.
Так о ком же
 звон скорбящей меди?
Мы – и не друзья, и не враги.
Ты – как время.
Я зову: – Помедли!
Но все глуше дальние шаги.

1967

Ты кому улыбки раздавала?
Птицам, ветру и попутно мне.
Огонек веселый раздувала,
И трещали веточки в огне.
Ты к костру
 тянула руки, греясь.
Были губы теплые – горьки...
Я теперь сию,
 как погорелец,
И держу в ладошках угольки.

1966

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Что кому недостает,
Тот об этом и поет.
Поет о здоровье недужный,
Несмелый –
 про храбрость в бою,
А кто-нибудь, людям нужный,
Про незаменимость свою.
Поет о любви неудачник,
И, славя порыв и полет,
Про крылья свободные дачник,
Валяясь на травке, поет.
Слепые споют вам
 про солнце,
Туристы – про счастье
 в борьбе,
А я... мне всю жизнь остается,
Любимая, петь о тебе.
Что кому недостает,
Тот об этом и поет.

СТИХИ О ПРИМИРЕНИИ

Пришла и мне сказала: – Здравствуй!
И словно не было разлуки.
И молоды, как прежде, страсти,
Нежны, как прежде, речь и руки.

Как будто бы, уйдя к другому,
Любовь невзгодами училась
И вот сейчас, вернувшись к дому,
Твердит: – Я просто отлучилась...

* * *

А он? Что, разве он не жив?
Ну, не в любви – хотя бы в злости.
Иль, разрешенья не спросив,
Он в жизнь твою вошел, как в гости?

Что ж, этого не будет вновь.
Пусть на коленях молят: – Сжалесь!
Себя желей, когда любовь
Впускаешь, словно постояльца.

1955

Открылась дверь. Да, да, входи!
Здесь те же стены и привычки.
Войди, квартиру огляди.
Курить? Вот папиросы, спички.

Уюта нет в моем доме.
Вот – почернела печь от дыма...
Ах, нет! Совсем не потому
Ты здесь была необходима!

Прощенье... В ком же нет вины?
И в чем оно – в движенье, в слове?
Те дни, что были так черны,
Перечеркнем – не надо крови!

Как будто нас живой водой
Вдруг напоили из колодца.
И то, что звали мы бедой,
Лишь давней болью отзовется...

1955

Я без тебя живу не наяву,
А как мальчишка в ожиданье сказки.
На весь Урал зову тебя, зову –
Аукается где-то в Соликамске.
Легки разлуки – встречи нележки,
Мы просто ждем чего-то по-апрельски...
Но ты уехала.

И от моей тоски
На сотни верст гудят и гнутся рельсы!

* * *

О эта глупая чувствительность!
Ведь били, кажется, а все ж
Опять, как мальчик, за действительность
Я принял ласковую ложь,
Когда по горочке покатою
Ты шла в придуманные сны.
И ландыш лгал как провокатор
Еще бунтующей весны...

1968

Я люблю эти звезды
 за то, что их видишь ты.
Я люблю этот воздух
 за то, что им дышишь ты.
Я люблю эти песни
 за то, что их слышишь ты.
И цветы я люблю потому,
 что их любишь ты.
Я стыжусь за сердца,
 что позорно блуждают во мгле
И мешают нам
 радостно
 жить и любить на Земле.
Видеть это теперь
 тяжелее мне стало в сто крат –
Словно именно я
 пред тобою
 за все виноват!

1956

Клонят ивы стволы кривые,
На реке круги дождевые.

Дождь сильнее, а ветер тише –
Гонит ливень людей под крыши.

Так скорей же, скорее вместе
Без дороги – к домам предместья!

Только, милая, может случиться,
Вовсе незачем нам спастись.

Видно, это не в нашей власти –
Убежать от себя, от счастья.

У тебя, как будто слезинки,
На ресницах блестят дождинки.

Это все ничего не значит:
И от счастья, бывает, плачут...

1968

Постой, еще не все я досказал!
Ты знаешь, для чего нужны глаза?

Воскресный день. А между тем с утра
Осенний дождик льет как из ведра.
Грязь на дворе. На желтых листьях слизь.
На тротуарах лужи растеклись.
Смеркается часов уже с пяти.
И думать не о чем. И некуда пойти.
Ты на тахте притихла, точномышь.
Отбросив книжку, злишься и молчишь.

О, как же нам сейчас глаза нужны,
Чтоб видеть синь и прозелень весны!
...Уносят вдаль ревушие ручьи
Жестянки, мусор, щепки и лучи.
Плывет кораблик под ребячий свист,
Проклюнулся новорожденный лист.
Прогрохотала и ушла гроза.
И солнце вышло. Солнце бьет в глаза!..
Я – фантазер? А ты не видишь, да?
Что ж, день пройдет.
Но жить-то ведь года!

Нет, подожди, дослушай до конца.
Скажи мне, что ты знаешь про сердца?

Воскресный день. Я в парк пришел с утра.
Вокруг меня лопочет детвора.
Прочел газету и ушел сосед.
Сижу и жду. Тебя все нет и нет.
И сердце я, взъерошенный и злой,
Нарисовал, пронзенное стрелой.
Мальчишество? Да нет, плохи дела!
Кровь сразу по рубашке потекла,
Из раны хлещет. Весь пиджак промок.
Хотел подняться, крикнуть – и не смог.
И лоб, и руки холоднее льда.
Не доктора – тебя скорей сюда!

То – день один.
А как прожить года?

1952

Плавню тронулся с места скорый,
И на стыках стучит состав,
Добрым басом у семафора
В утешенье пророкотав.

На платформу тележку грузят,
Где-то песню поют вразброд,
Снова женщина в синей блузе
Мокрой тряпкою стекла трет.

Словно все еще из окошка
Мне косынкою машешь ты,
Та же девочка в босоножках
Продает по рублю цветы.

А по строгому распорядку,
Зная каждой минуте счет,
Объявляют уже посадку
На состав, похожий на тот.

И мне кажется поневоле
Блеск чужих напряженных глаз
Отраженьем все той же боли,
Что недавно была у нас...

1952

Я стал годами старше, сердцем строже,
Но так же дума о тебе ясна.
Мне, как и прежде, весен всех дороже
Короткая уральская весна –
Огни судов, бегущие по Каме,
Весенний гул встревоженной воды
И на тропинке, врезанные в память,
Твои едва приметные следы.
Наверно, было нам необходимо
Навек запомнить эти вечера,
Пологий берег и полоску дыма
От позднего рыбацкого костра...
Но и теперь нам та весна укажет
К счастливой встрече верные пути.
Я в это верю. А иначе как же
Разлуку смог бы я перенести?

1965

Дине

И вдруг поймешь, что боль уже утихла,
Увидишь под окном снежочек рыхлый,
Поля в сугробах, перелесок синий
И на ветвях берез мохнатый иней.
Легко дышать и любо жить на свете,
Скользить на лыжах к дремлющей реке.
Снежинки тихо тают на щеке.
Как хорошо сегодня: снег да ветер!
И мне не жаль, что где-то там, далече,
Твоя рука лежит в чужой руке...
Ты – как лесок, что мне попал навстречу
И вот уж чуть темнеет вдалеке.

1953

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

У нее родился ребенок,
Мальчик.
Здоровый и громкоголосый.
Еще безбровый и безволосый.
Он растет и крепнет день ото дня.
Соседки восхищаются: – Как пригож!
И на другого,

не на меня

Этот ребенок похож.
Чужой разрез чуть раскосых глаз,
Чужой подбородок,
чужие уши.

Ночью
его пронзительный бас
Не мной,
а счастливым отцом подслушан.

Из чего он создан?
Из звездной пыли,
Мерцавшей в небе ночном над ними,
Над ними,

которые все забыли

И были
под этим небом – двоими.

Из трав,
которые вместе они мяли,

Цветов,
 которые вместе они рвали,
Зорь,
 которые вместе они встречали, –
Из счастья их
 и моей печали
Родился ребенок.
А мне одарить его нечем.
Хочешь, малыш,
Подарю тебе звездный июньский вечер
И память о встрече с девушкой,
 с тою самой,
Которую ты еще не умеешь назвать мамой.
Травы дарю,
 которые вместе мы мяли,
Цветы,
 которые вместе мы рвали,
Зори,
 которые вместе с нею встречали, –
К счастьем моему
И отца твоего –
 печали.
Мало, малыш?
Сам я знаю, что мало.
Ну, что же...
Просто не мог я сыскать ничего дороже.

1953

Так что же молчу я?
От боли молчу.
Мне трудно – кричать заставляет она.
Из губ твоих пламя испить я хочу.
Из глаз твоих – вычерпать сказку до дна.
Я глух, как глухарь, лишь начавший ток.
Я словно олень, поломавший рог.
А ты поправляешь волос завиток
И шепчешь:

– Пойдем, ты уже продрог...

И ты покидаешь темный подъезд,
Ушко замерзшее теребя.
Уходишь в мир женихов и невест,
С нетерпением ждущий тебя.
И зов замерзает на зимнем льду.
Следы застигает морозный дым...
Ну что же, иди,
Я тебя найду –
Хотя бы вот этим стихом своим!

1972

Я становлюсь беднее с каждым днем,
И, как бедняк,

я от всего зависим:

От колоса, примятого дождем,
От голоса,

от глаз твоих и писем.

Да, я с тобой

счастливей был стократ,

Ты жизнь легко и просто понимала:

Чуть небо хмурилось –

ты насылала град,

А ветер дул –

ты бурю поднимала.

1964

Не стремительной легкой поступью,
Где уместны бы два крыла,
Не волос твоих дымной россыпью
Ты за сердце меня взяла.
Приподнимешь ресницы темные,
И глядит из тебя самой
Что-то древнее, затаенное,
Как природа перед грозой.
Сердцу эту грозу не выдержать,
Кардиограф, скорей измерь...
Встать со стула, на улицу выбежать
И – за тридевять быть земель!
Но в любой стороне на свете
Все равно ты меня найдешь,
Не случайна, как дождь и ветер,
Безрассудна, как ветер и дождь!

1980

Я у тебя не первый,
 не последний.
Все просто – без надежды, без огня.
И лишь слезой
 последней зорьки летней
Упало что-то жгучее в меня.
Нет, я суда поспешного не струшу
И не стыжусь в глаза твои смотреть.
Вот только жаль,
 что нам в такую стужу
Своим теплом
 друг друга
 не согреть.

С. М.

Снова небо дождями намокло,
Лето в прошлом – зови не зови.
Сколько лет мы все бродим около
Нашей поздней, ненужной любви.
Что ж, признаем ее неизбежность,
Пару лет еще погода...

А пока –

теплота и нежность

Сквозь холодный

наплыв

дождя.

* * *

Как резко вдруг похолодало!
И клены стужей сожжены,
И словно лета не бывало,
И словно не было весны.
Глядишь на листья неживые,
Что лишь вчера тянулись вверх...
Не то – встречаешься впервые,
Не то –

прощаешься навек.

1984

Я чувствую,
 как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала
 тихо холодеют,
А после –
 умирают у виска.
Я, верно, в жизни
 что-нибудь да значу,
Найду себя –
 в грозе или в молве.
Но разве я
 по волосам заплачу,
Когда не плачу я
 о голове!

1972

О девушки с бровями соболиными,
Не смейтесь вы над нашими сединами.
Они бывают разными, седины,
Они бывают грозными, седины, –
Как пена пред грозой в студеное море.
Седины часто наживают в горе.
О девушки с бровями соболиными,
Не бегайте за нашими сединами.
Не очень-то надейтесь на седины,
Они, бывают лживыми, седины, –
Так мгла корабль обманывает в море...
Не все седины наживают в горе.

1976

Ты хвалишь красоты Армении,
В словах твоих столько тепла!
Ну что ж, оставайся при мнении,
Что ты свое счастье нашла.

Владей им, родная, пожизненно.
Я верю, не помня обид:
Тайга над тобой укоризненно
Теперь уже не зашумит.

Спасибо за память и весточку,
И пусть среди южных широт
Красивая самая звездочка
В ладони твои упадет.

Не бойся, я все-таки выстою,
Нет в сердце ни боли, ни зла...
Виновна ли зорька лучистая,
Что рано сгорела дотла?

1976

Зачем же так непоправимо
Сжигать себя в твоём огне?
А ты опять проходишь
 мимо,
Ты – вне меня. Но ты –
 во мне!
Мне о тебе спешат поведать
Таежный шум и камский всплеск,
Когда в глазах твоих
 победных
Я вижу влажный звездный блеск.
Но ты опять отсрочки
 просишь,
Тайком слезинку оброня...
И целый мир с собой
 уносишь,
Когда уходишь от меня.

1976

БАЛЛАДА О РОДНОМ ДОМЕ

Год прошел на Земле.
Год. А может быть, век?
Долго в доме родном не бывал
человек —

Так случается часто
В космический век.
Что он нажил?
И где он бродяжил и жил?
Может, где-то служил,
Может, просто тужил,
От знакомых людей в отдалении жил.
Он вернулся домой —
Значит, все не беда!
Он знакомую дверь отыскал без труда,
Да ключи потерял —
Вот какая беда!
Тут в окошко пришлось постучаться ему.
Свет в окошке погас.
Стало тихо в дому.
— Вы к кому? — женский голос
спросил. —

Вы к кому?
— Это я! — он сказал. —
Я вернулся, жена.
Долго дома я не был,

Но чья тут вина?
Я вернулся, жена...

Тишина...

Тишина...

Лишь березка дрожала листвою у окна.
А в окне, как и прежде, была темнота.
И сказала ему темнота неспроста:
– Я жена, да не та.
И березка не та.
Гасла в небе над ним за звездою звезда,
Осыпаясь на землю осколками льда.
И увидел он сам,
Что попал не туда,
Все чужое вокруг – вот какая беда!
Все чужое вокруг –
Вот какая беда!
И земля расступилась под ним, как вода.
И глаза его стали осколками льда.
Только в сердце чуть слышно мерцала звезда,
Заставляя идти –
Неизвестно куда.
Так о чем же он думал, чужак человек?
Ведь и сам он не знал:
Год прошел или век?
Для него – целый год,
Для жены – целый век.
Так случается часто в космический век!
И ушел неизвестно куда
Человек.

Ждали –

к лучшему все переменится,

А друг друга не знали ничуть:

Переможется, мол,

перемелется,

Образуеться как-нибудь!

Так и жили, пока были молоды,

В каждой ссоре вина не себя.

Поглядели –

ан все перемолото:

И любовь, и судьба, и семья.

1966

СТИХИ О СЫНЕ

Сереже

За разливами лет,
За разливами рек
Жил со мной
семилетний родной человек.

Он со мной говорил – я его понимал.
Я его на руках высоко поднимал.
Только вот приключилась какая беда:
Я его уронил.
Насовсем.

Навсегда.

Тот же город.
И улиц – десяток всего.
Но всю жизнь мне идти –
не дойти до него.

Одного не могу я понять до конца:
Почему я – живой,
а мой сын – без отца?
Не смотри ж, упрекая меня и моля,
Малый сын мой,
Сережа,
кровинка моя!

Ни себя не кляну,
Ни тебя не зову.
А с оторванным сердцем
вот так и живу!

1967

Для сына я —
 сильнее всех на свете.
И это справедливо до поры.
Пусть долго верят
 маленькие дети,
что взрослые
 всесильны и добры.
Но мучит
 преждевременная память
о том мгновенье призрачного дня,
когда на сына
 будет небо падать,
а он —
 с упреком взглянет на меня.

1964

Тебе, тебе даны впервые
До наступленья темноты
И эти сосны вековые,
И эти птицы полевые,
Крылом задевшие цветы...
Ищи у жизни смысл глубинный,
Свой трудный путь и свой привал.
И что тебе

 в глазах любимой,
Когда не ты их целовал!
Но, веря в собственные силы
И утверждая жизни суть,
О том, что это ты – Россия,
Ни на мгновенье не забудь!

1980

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времён.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле –

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре
Призыв из одиночества,
Как точки и тире.

С каким-то исступлением
Я тот язык учу,
В ответ сердцебиением
Стучу, стучу, стучу.

А если боль запомнится
И будет жить в тебе,
Ну что ж, заплачь, затворница,
Под волчий вой в трубе!

**Кричим друг другу,
путаники,
За тридевять земель...
Ведь все мы – просто путники,
Когда метет метель.**

1966

Кругом снега, но там, под спудом,
Земле зима уже тесна,
Хоть утром, в заморозки, чудом
Еще нам кажется весна.
То станет по-февральски резким
Лихой студеной ветерок,
То, с крыш упав, крошится с треском
Водой источенный ледок.
С утра все ярче над поселком
Холодноватый блеск зари,
Дробится солнце на осколки
И в окнах искрами горит.
От кромки леса четкой тенью
Дорога врезана в снегу –
Туда, где стройные челянья
Плотов лежат на берегу.
В потоках солнечного света,
Средь яркой снежной белизны,
Плоты мне кажутся приметой
И обещанием весны.
Как будто бы уже сегодня
(Лишь час один, лишь миг один!)
Их разом двинет половодье
Рекой, очищенной от льдин.

1968 (?)

Солнце теплым светом
матовым
Льется через облака
По снегам, деревьям
мартовским,
По теченью ручейка.
Молодит дыханье свежее
Перелесков и полей...
И зима, такая снежная,
Только – в памяти моей!

1981

Гремя на реках льдинами,
Погодкою красна,
В Прикамье наше хлынула
Лучистая весна.

Вновь небо в Каму выльется.
И в сквере городском
Листочек первый выбьется
Зеленым огоньком.

Не ради славы-почести,
А юности под стать
Апрелю очень хочется
Веселым маем стать:

Ударить ливнем ом землю,
Соловушкой звенеть
И шелковистой озимью
В полях зазеленеть...

Моей любви ровесница,
Весна, счастливый путь!
Цвести тебе, невеститься,
В черемухе по грудь...

Опять ты сердце сдвинула,
Взбурлила жизнь со дна –
В спецовке неба синего
Уралочка-весна!

1981

Если взор у тебя горяч,
Ты его от людей не прячь.
Ничего тут плохого нет,
Что в глазах твоих смех и свет.
Просто в них, в голубых, весна
Ходит – и не находит дна.
Взгляд на хмурое небо кинь –
В хмуром небе проглянет синь.
Реки быстрые стиснул лед.
Ты посмотришь – и лед сойдет.
На земле, где ступила ты,
Жарко вспыхивают цветы.
И весна не была б весной,
Если б ты не была со мной...

Идет весна-распутица,
Распутица-распутница –
С гулянками,
 ухмылками,
С покладистыми милками,
С частушками охальными
Да с вербами пасхальными.
С юбчонками,
 прижатыми
У сломанных плетней,
Где можно провожатому
Держаться повольней...
Хоть черен снег, как сажика,
Но это только кажется!
Ну, а весна-то скажется...
Над бабьими страданиями,
Слезами и позорами
Вдруг глянет стародавними
Российскими озерами.
Всю грязь лучами высушит,
Любовью
 сердце высушит!

1964

Нет, она не менялась
И при встрече любой
Так же дерзко смеялась:
– Я не верю в любовь!

Этой темы касаться –
Как на камень коса.
Но ее святотатство
Потрясло небеса.

Словно смех громовержца,
Лился яростный свет
В потрясенное сердце
Восемнадцати лет.

А весна полыхала,
Куда ни ступи.
А подружка вздыхала:
– Ты смотри не сглупи!

Боль и радость земная –
Все смешалось в одно...
Ничего я не знаю!
Это было давно.

Скрип тяжелых уключин
На речной синеве.
И серебряный ключик,
Чуть приметный в траве.

Ах, куда мы на лодочке?
Там, в кустах за рекой,
Две стыдливые звездочки
Я прикрою рукой.

Был я слишком обыден,
Очень просто судя...
Как тебя я обидел!
А быть может – себя.

1964

Сентябрьским утром выйди посмотри:
Стоит березка, над рекой склоненная,
И затаенной лаской изнутри
Вся светится, как девушка влюбленная.
В тяжелых тучах запад и восток,
И так жесток
Сквозной осенний ветер.
А у нее – еще любой листок
Живет воспоминаньями о лете.

1957

Как частый дождичек, росинки
С тревожных листьев оброня,
Лесные золушки, осинки,
Не убегайте от меня.

Я сам, дорожной пылью пачкаясь
И задыхаясь от обид,
Узнал, что горемычных падчериц
Молва людская не щадит –

За ту возвышенную гордость
В чужом дому чужих невест,
Чья молчаливая покорность
Еще упрямей, чем протест.

О да, вы неприметны очень –
До той судьбы, до той поры,
Когда для вас, осинки, осень
Зажжет прощальные костры.

И, больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло
Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло,

Что с вами – в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!

1964

Есть дома – нелюдимы,
Никем не любимы.
Там на песню – запреты,
Там калитки, как щели.
Там читают газеты
Вечерами кашеи.
Упиваются слухами –
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся
И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные,
Только слышно,
 как змеи
Шипят подколенные.
В этом мертвом затишье
Все надежно запрячут:
То ли дождик по крыше,
То ли женщина плачет...

1963

Настоящего, а не ложного,
В сундуки с нафталином
уложенного.

– Добрый день! –
я вам говорю
И смеюсь, угадав зарю.
– Добрый день,
золотое зернышко,
Подрастай,
Прорастай, как солнышко!
Что ж касается звезд и месяца,
То они в сундуках не уместятся:
Звезды
только тогда рождаются,
Если в чистых глазах
Отражаются!

1964

Поземка металась, как заяц,
На нас натываясь впотьмах.
А звезды над лесом казались
Огнями в нездешних домах.

Дорога в сугробах тонула,
Ведя на огни прямиком.
И все же от звезд не тянуло
Ни духом жилым, ни дымком.

Но вот – сквозь бессонницу волчью,
Сквозь ночь – на года, на века –
Для нас засияло воочью
Окошко в избе лесника.

И пар из распахнутой двери
К нам вымахнул через порог...
Но звезды в немеющей тверди
Нас ждали у новых дорог!

1977

Мы жили в одиночестве века
Под странным небом,
по-ночному грозным.

Но так же,
как по родине тоска,
У человека есть тоска по звездам.
Там, верно, тоже –
жизнь, и кровь, и срам.

Там тоже и любили, и серчали
Рассеянные по иным мирам,
Но по Вселенной мне – односельчане.
Мы, люди, за простейшие права –
Жить и любить –
с людьми веками бились.

А вы-то, неземные существа,
Хоть вы-то
счастья у себя добились?

Меня звезда, как родина, зовет.
Я должен долго-долго жить на свете,
Чтобы узнать не то,
КТО там живет,

А КАК живут...
Вот мне на что ответьте!

1963

Льву Давыдычеву

1

Не только жизнью предков
древней –
Всем притяжением земли
Мы до сих пор в родстве
с деревней,
В нее корнями проросли.
Здесь по черемухам кочуют
Неистовые соловьи,
Природа русская врачует
Все боли давние твои.
Пройди по этим долам, высям,
В себя простор, как песню, влей, –
И ты поймешь,
как мы зависим
От перелесков и полей...
Какое б ни настало время,
Какой бы век ни угрожал,
Всегда
кормилица-деревня
Хранит тепло для горожан!

А хорошо ль в деревне жить? —
Спроси у суховеев жгучих,
У неба в беспросветных тучах
И у хлебов,
 ветрами скрученных,
Не позабудь порасспросить.
На грани радости и боли
В приметах долгого труда
Лицо,
 как вспаханное поле —
За бороздою борозда.
И продолжается страда...
Все громче стройки и заводы
Стучатся в двадцать первый век.
Но вечной матери — природы —
Будь добрым сыном,
 человек!
Ведь в радостном разливе света
Жизнь побеждает все равно,
Пока земля весной согрета
И в землю падает зерно.

В деревне,
 где-нибудь на Каме
Или на Сылве где-нибудь,

И синевой, и облаками
Опять вольется небо в грудь.
Сердцебиенье участится,
Когда поймешь наверняка,
Что кровная твоя частица —
И лес, и поле, и река...
На жизнь нам отдана планета,
А не на временный постой!
Еще луга в разгаре лета
Нам дарят
 трав своих настой,
К рассвету тянутся деревья,
Где могут птицы гнезда вить.
Все это —
 русская деревня,
И хорошо в деревне жить...

1984

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

Может быть, для счастья мне и надо
По лесу с ружьем ходить и вдруг
Услыхать за шумом листопада
Крик совы и дятла перестук.
Осень встретит запахом смолистым,
Робким звоном ручейка во рву,
С огненной окалиною листья
Упадут на прелую траву.
Вьется тропка то с горы, то в гору,
За кусты, чернеющую гать.
А кругом такая тишь, что впору
И о самом главном помечтать.
Да, о счастье!

Ведь, пожалуй, с детства
Я к нему, как к должному, привык.
Мной оно получено в наследство,
Как свобода,

Родина,

язык.

Если на полях пшеница зрела,
Если город рос в лесу глухом,
То своим считал я кровным делом
Каждый колос, каждый новый дом.
Даже там, где я ни разу не был,

Все – родное мне.
И я хочу,
Чтоб была под нашим мирным небом
Мне любая радость по плечу.
Я хочу дождя полям зеленым,
Быстроглазых внуков – старикам,
Доброго согласия – влюбленным,
Хлеба – пашням,
 лова – рыбакам.
Всем, кто счастлив,
 я товарищ тоже,
Потому что все-таки не зря
Мною день на белом свете прожит,
День,
 а не листок календаря!
...Под ногой хрустит сухая ветка,
С озера ползет белесый дым.
Я, пожалуй, помнил слишком редко,
Что бывает день еще таким:
С ветром, пробежавшим по березам,
С ночевой у лесника в избе,
С молодым предутренним морозом,
С думаю о счастье
 и тебе...

1953

И снова в целом мире ни души!
Мерцает в небе
 мокрый звездный ковшик.
И только осень листьями шуршит,
В их бурой груди роясь,
 как старьевщик.
Поднимет, бросит ветру-попрошайке,
И снова тихо. Вот и на селе
Огни погасли...
 Тише, не мешайте
Так много поработавшей земле!

1958

Во мне неслышно прорастает Рига
Сквозь шум ветров и шорохи дождей.
И вздрогнул я

от каменного крика
Ее соборов, кладбищ, площадей.
Чего бы проще – в море искупаться,
Лежать в потоках света и тепла.
Но вся в крови

от войн и оккупаций
Ко мне вплотную Рига подошла.
Как убежать от призрачного гула,
Как боль чужую

вычерпать до дна?
Ввысь подняла и душу захлестнула
Поэзии балтийская волна.
Мне нелегко. Но я понять стараюсь
Мне чуждый мир преданий и забот:
На площадь Коммунистов

Янис Райнис
Меня по Риге за руку ведет.
Иду, влюбленный, по реке зеленой,
А рядом – только руку протяни –
Столетия древней Горки Бастионной
И Иманты

столь юные огни!

И нету места для осколков ржавых
Недружелюбья – мы друзья весны.
И шеи лебединые рижанок
Всплывают посредине тишины.
Посевам правды, верности и силы
Остаться в человеческой семье!
Недаром даже братские могилы
Нам обещают братство на Земле.
В грядущих днях засветятся лучисто,
В судьбу и жизнь

войдут наверняка

И грозный лик уральского танкиста,
И крестный путь латышского стрелка.
И кровные названия наших улиц
В Перми и в Риге

вновь напомнят мне,

Как их сердца бессонные сомкнулись
На темной и опасной глубине.

Мне – дальше жить.

Мне прожитого мало.

И полнится, упруга и строга,
Рабочим ритмом Риги и Урала
Поэзии единая строка.

1986

Хари Хейслеру

Если горе, сердце лапая,
Гасит каждую зарю,
– Есть еще на свете Латвия! –
Я тихонько говорю.
Там под солнцем – море синее,
И в прекрасном свете дня
Люди гордые и сильные
Встанут около меня.
И, уйдя от прежней участи,
Как бы ни была горька,
Поплыву себе в певучести
Моря, ветра, языка...
И тогда, примерно к осени,
Я забуду все, что знал.
Может, только в дюнах сосенки
Мне напомнят про Урал.
Гонят парус ветры властные,
А куда еще – бог весть...
Как давно я не был в Латвии!
Но она на свете есть.

1976

Как сестра моя ласковая,
Из беды, из огня,
Милосердная Латвия,
Ты выносишь меня.

От нехватки сердечности
Убегу я в июнь,
Растворюсь в человечности
Солнца, моря и дюн.

Море жжется, и пенится,
И вздыхает слегка,
Словно учит напевности
Своего языка.

Видно, с песней латвийскою
Я сдружился не зря,
В каждом слове отыскиваю
Тихий свет янтаря...

Вот бы с добрыми думами
Взять на Каму с собой
Эти сосны над дюнами,
Их целебный настой.

Снова верить захочется,
Что друзей мне не счесть
И что нет одиночества,
Если Родина есть.

1984

МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Пророк, провидец –

Не говорит, а изрекает,
Слова из чрева извлекает,
Как пятаки из кошелька –
Надменно так

Что — хоть колени преклони!

Как две холодных полыньи.

был хороший парень!

Хороший парень

С тем, ослепленным,

Кто, морщась от житейских будней,

Божком, судьей, святошей, Буддой

И ни сегодня,
и ни завтра
Он не поймет свою беду:
Идет
походкой динозавра
И – вымирает на ходу.

1962

Зое

В угаре полупьяного скандала,
Под стук стаканов и гитары звон,
Здесь только песня что-то ожидала,
Как девушка, попавшая в полон.
Она звала в край солнечный и синий.
Но, ошалев от водки и тоски,
Ее полосовали матерщиной,
Как плетью, захмелевшие дружки.
И, обходя компанию такую,
Роняли люди добрые слова:
«Ишь, парень-то по-прежнему тоскует!
Видать, душа не пропита – жива...»
Но этого участия было мало,
И песня никла, плача и грубя.
Ей многого для счастья не хватало:
Простора, звезд...

А главное – тебя!

И ты пришла, красива, как невеста.
Недоуменным взглядом обожгла.
Сказала песне: – Здесь тебе не место! –
И за руку на волю увела.
С работы парня вечером встречало
Лицо родное в крапинках дождя...
И песня, словно мускулы, крепчала,
Свою дорогу в жизни находя.

1972

Лев Иванович... Лёва... Лёвушка...

Это, видимо, навсегда:

В белой роще отпел соловушка

Молодые наши года.

Да и где она, эта рощица?

Нет ни этих давно, ни тех...

Только лед под ногами крошится

Да ложится на плечи снег.

Нам не праздновать легкой участи.

Боже мой, что душа снесла!

Только радуюсь я

живучести

Мысли, сердца и ремесла.

Значит, есть оно,

это зернышко,

Искра чья-то – божья, кажись, –

Несжигаемая, как солнышко,

Продолжительная, как жизнь!

1977

Меня всё чаще сковывает холод,
Предчувствие неотвратимых бед.
Всё дело в том, что я уже не молод,
А вам, дочурки, семь и восемь лет.
Всё вниз, всё круче жизненная горка,
Все смертны – будет очередь моя...
Я не страшусь. Но скорбно мне
и горько,
Что вашу юность не увижу я.
Но если из-за туч, подобно чуду,
Прольется тихий и печальный свет,
То знайте – это я гляжу оттуда,
Чтоб разглядеть: вы счастливы иль нет?
Я лишь взгляну и заструюсь обратно,
В нездешние надзвездные края...
Да будет к вам светла и благодатна
Мной так сейчас любимая земля!

1975

Зое Ивановне

Спасибо вам,
 леса закамские,
За то, что в помыслах чисты.
Спасибо за часы закатные
И за рассветные часы –
За вашу правду,
 вашу жертвенность,
Где все не в шутку, а всерьез.
За стойкость сосен
 и за женственность
Осенних праздничных берез.
И пусть не знаю я, не ведаю,
О чем вы шепчетесь с утра,
Но каждую зеленой веткою
Вы мне желаете
Добра!

1981

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Сергею Смирнову

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами – не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
И смех тот не гаснет во мне.
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи –
От ветра гудит окоём!
А пристань все дальше
и дальше,
А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблеставшему дню,
Который я так бесполезно
В себе, постаревшем, храню?

Упасть на колени,
Чтоб сизнова – грозы с тайги,
Чтоб рядом Василий Кулемин
Читал, задыхаясь, стихи.

И снова Евгений Поповкин,
Недобрым богам вопреки,
Нашел бы на счастье подковку,
Упавшей на травы реки...
Плыви ж, пароходик-уралец,
В таежные дебри,
в верха,
Чтоб сразу леса отзывались
На крик одинокий стиха!
Века иль мгновение длится
Серебряный этот полет?
Опять на знакомые лица
Тяжелая тень упадет...
И вновь над волной златотканой
Ударит громовый раскат.
Над Камой,
над Камой,
над Камой
Стремительно гаснет закат.

1968

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
 даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
 чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.

1970

Н. Вагнеру

От злого глаза, от чужой отравы,
От равнодушья к другу и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском древнерусском берегу.
Затмит мои ошибки и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах беленькой ромашки –
Лекарство предпоследнее мое.
Сиянье неба над безлюдным полем –
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То – только тем, чем вся Земля больна.

1968

В наш век чернить поэзию не смейте,
Она во всем пред будущим чиста.
Она с людьми – в бесславье
и в бессмертье,
И в этом цель ее и правота.
И если счастье в будущих восходах
Пока – мечта, а не прямой устав,
Поэзия, как мать в тяжелых родах,
Сквозь зубы стонет, руки разметав.
Она не ждет, что к ней придут
с повинной.
Все губы искусаив до синевы,
Она сама обрежет пуповину
В тот самый миг,
когда родитесь вы!

1964

Еще нам не одно выигрывать сражение,
Но цель уже близка.
В величии побед,
В размахе наших дел
Есть творчества горенье,
Есть яркий в полный рост Грядущего портрет.

Пусть труд не завершен. Но смело на портрете
Уверенная кисть художника кладет
Талантливый мазок – один, другой и третий...
Труд будет завершен, когда творит народ.

1976

Я – ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Когда снега – белым-бело,
Когда в лицо гроза ударит,
Свое душевное тепло
Мне бескорыстно люди дарят.

И ты в ответ тепло отдашь,
Чтоб солнца луч сверкнул в тумане.
Я с вами, люди. Весь я ваш,
Я – капля в вашем океане.

Вовек я дружбы не предам,
Не обману любовь былую.
Я руку жму моим друзьям,
В глаза любимую целую.

Земля в снегу или в цвету
На ту любовь имеет право.
Пусть знают нашу доброту
Луга и реки, лес и травы.

Вновь ждут тепла и ждут дождей
Поля хлебов моих насущных.
Я – человек среди людей,
И я – живой
Среди живущих!

1981

Человеку

удача такая нужна,
Чтоб, костями хрустя, разогнулась спина,
Чтоб поверил он в силы свои до конца,
Ощутил в себе сердце – сердце бойца,
Грудью воздуха полную меру глотнул
И вокруг озаренно взглянул.
Лишь тогда ему истина станет ясна –
Что удача ему

ежедневно нужна,
Потому что родилось в нем
новое что-то,
Необходимое для полета,
И особое свойство в себе он открыл:
Сходство давнее рук человеческих и крыл.

1958

Синим светом над озерами
Я люблюсь не дыша.
И уральскими просторами
Снова полнится душа.
Вечно здесь луга росистые
Дарят песню соловью.
Вечно здесь леса российские
Думу думают свою.
Я войду в седые роздыми,
Поднимусь на гребни скал,
Чтобы стать росинкой
Родины,
Камушком твоим,
Урал.
Может, к небу
и привыкну я...
Но пока к земле влеком
Каждой малою травинкою,
Каждым крохотным цветком.

1978

Мой друг, ты умер. Кажется,
давно.
А я не верил тем вестям
недобрым.
Смеясь, подносят женщины
вино,
И пьют мужчины над твоим
надгробьем.
Кругом черно, слетелось
воронье –
Ханжи, заики, сплетники,
весталки.
О как благонамеренно вранье,
Когда давно поэзия
в отставке!
Мне говорят, что это –
юбилей.
Но, друг мой, друг мой,
что с тобою случилось?
И почему от юности твоей
В тебе самом ни капли
не осталось?
А если так, то что же твой
успех?

[illegible]

Налей-ка мне вина,
Мы молча выпьем за твоё
здоровье.

1964

О. Селянкину

Зачем ты, Кама, добрая река,
Лаская травы и леса Урала,
Опять ко мне пришла
 издалека
И чистоту в истоках
 набирала?
Стань для меня дорогою
 живой,
О том, что мной не сделано,
 напомни.
Глаза мои наполни синевой,
А жизнь мою движением
 наполни!

Но это все – почти
 самообман,
Мы стали рассудительней и старше.
Над Камою, над берегом –
 туман,
А из тумана выплывают
 баржи...
Откуда же у нас такая
 прыть –

Всю эту даль объять несатым

оком

И, позабыв про даль,

все дальше плыть,

К верховьям Камы –

Как к своим истокам.

1976

В камской зелени и сини
Жил и в грозах,
и в тиши
Город в глубине России –
В глубине моей души.
Был он крут, –
не обессудьте!
Только, судя по всему,
Он поэтом был –
по сути,
По призванию своему.
Не торжественною одой,
А лирической строкой
Он связал свои заводы
С Камой, небом и тайгой.
Так что, видимо,
с рожденья
Все мы ходим, пермяки,
Под высоким
напряжением
Той лирической строки.
Молодым пришлась
по вкусу
Крутизна такой земли,

Где к заводу или к вузу
Эти улицы вели.
Был я молод, в самом
деле,

Но остались позади
Азиатские метели,
Европейские дожди.
И курлычет по-над
Пермью

Журавлиная тоска,
И роняют в Каму перья
Перистые облака.
Я живу, теряя близких, –
После всех моих потерь
Ты одна по-матерински
Мне в глаза посмотришь,
Пермь...

1973

ДОВОЛЬНО!

Шар земной столетья в муках мечется,
Век за веком —
войны, войны, войны...
Так возвысь
свой голос, Человечество,
Гневно войнам ты скажи:
— Довольно!—
Парни в Бонне или Алабаме,
Разве это вам нужна война,
Чтоб невесты мертвыми губами
Ваши
прошептали
имена?
Но опять
войны кровавый остов,
Как игрушку,
нянчит Пентагон.
О Гренада!
О ребенок-остров!
Как тебя —
за горло сапогом!..
Воля и решимость,
проявитесь

Там, где к войнам

ненависть жива.

К разуму

народов и правительств

Снова обращается Москва.

Дальний друг!

Скажи своей невесте,

Что нам в маршах мира – по пути,

Что Земле

покой и равновесье

Мы еще

поможем

обрести!

Вечность нас пригласила в гости,
Млечной пылью в глаза

пыля...

Но надежды свои и горести
Возложила на нас Земля...

На поэзию опереться

Ей придется не раз в пути,

Чтобы выжить, в рассветах

греться,

Чтобы нас же – от нас

спасти.

И природы живые лики,

Человечности добрый свет

Всей душевною силой лирики

Ты не раз защищал, поэт!

Не уходит летучим дымом

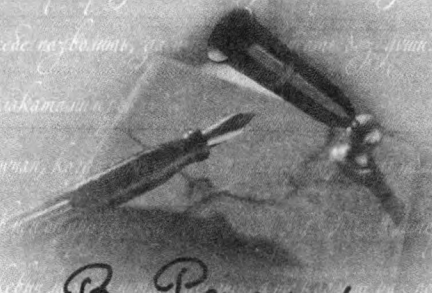
Все, что в строчках

заключено:

Ни друзьям твоим, ни любимым

В них состариться не дано.

1985

В. Розкин

Переводы

ПИСЬМО НЕМЕЦКОМУ СОЛДАТУ

Перевод с латышского языка

Игрой и не пахла
 такая пробежка!
Ты, Ингеломф Гельмут,
 солдат, полубог,
Смеялся.
 Но в горле застряла насмешка.
Мы оба – в обнимку –
 глотали песок.
А после,
 уставши от яростной схватки,
Мы рядом лежали.
 Картошка цвела...
Земля мне простит
 за измятые грядки,
Тебе ж – не простит
 причиненного зла.
Ровесники,
 стать мы могли бы друзьями,
Ты – бывший студент,
 я – недавний пастух.
Ты даже здоровался
 с латышами,
Германскую спесь
 одолев как недуг.

Но кровь, словно дождь
на асфальте и в поле,
Стекая,
твои заполняла следы.
И мать в Дюссельдорфе
вовек не отмолит
Всё зло, всю вину твою
перед людьми.
Ты землю топтал.
И в неё же, в неё же
Ты прятался,
чтоб невидимкою стать.
И так глубоко
закопался, быть может,
Что лемехом плуга
тебя не достать...
И всё-таки пусть не снаряды,
а плуги
Весной поднимают
чернеющий пласт.
А если закружат
смертельные вьюги,
Земля себя больше
в обиду не даст!
Она ошестинится
каждою пядью,
Насильника
с мирных полей отгоня...
Пусть, Гельмут, твой сын
с чужеземною ратью

Подальше стоит
от такого огня.
Посеявший ветер,
какую судьбину
У нас пожинал ты,
немецкий солдат?
Коль жив, ты об этом
напомни-ка сыну.
А если ты мертв,
то напомни стократ!

О ВЬЕТНАМЕ, ПОЧТОВОМ ЯЩИКЕ И ВОРОТАХ СВОЕГО ДОМА

Перевод с латышского языка

Утро пахнет яблоками
И парным молоком,
которое пьет Янитис.

И не хочется идти за ворота —
На воротах почтовый ящик,
А в нём — Вьетнам.

Утром встречаю друга.
– Если будет гореть моя рука, –
говорит он, –

Как её потушу, однорукий?
И ты мне...
— Да, да, — отвечаю, —
Ты приходи, я сделаю перевязку.

– Конечно, – говорит мой друг, –
Перевязку.
Но если будет гореть моя рука,
Ты мне...

Что другу Я отвечу!

Моя рука не горит.
Яблокам хватает солнца,
А Янитису – парного молока.

И жена у меня, как подсолнечник.
И не хочется выходить за ворота,
Моё счастье – здесь!

Но ночью просыпаюсь –
рука моя горит,
И дом горит, и пламенем
мне выход перекрыт,
И небосвод пылающий
берёт меня в кольцо,
И кто-то лапой огненной
вцепился мне в лицо.
Я пахну мясом жареным,
обугленный комок.
А выйти за ворота
я утром мог же, мог!

И вот теперь я кричу друзьям:

– Сюда спешите!
Скорей спешите!
Мой сад, и мой подсолнечник,
И сына мне спасите!

...Во дворе каждого дома
Есть почтовый ящик,
А в нём – Вьетнам!

СТРАННЫЙ ВЕЧЕР

Перевод с латышского языка

Странный вечер... Он тянется следом
За коровьим медлительным стадом,
За возами, груженными хлебом,
В травы падает – с яблоком рядом.

Не понять, как смертельная ярость
Разрывает роженицам рты?
Завершенность и мудрая ясность
В этом вечере разлиты.

Как на снимках оплаканных, старых,
В темных рамках раскрытых дверей
Неубитыми, сильных и статных,
Видят матери сыновей.

В небо вечера звездочка выплыла,
Мчит осколком угасшей зари.
То вернулся с последнего вылета
Капитан Сент-Экзюпери.

ИДУТ ОБЕЛИСКИ

Перевод с латышского языка

По болотным кочкам бродят ветры,
Точат ржавью автоматный диск...
Путь домой – на сотни километров,
И на каждом – серый обелиск.

Как солдаты, по следам ступая,
Принимая общую беду,
За Ловать-реку к родному краю
Обелиски серые идут.

Мимо Ильменя и мимо Нары,
Древнею валдайской стороной
К Риге молодой и Риге старой
Обелиски движутся за мной.

Всё сильнее запах дыма горький,
Но до Риги путь еще далёк,
Ибо знаю, на каком пригорке
Обнял землю и затих стрелок...

Перевод с латышского языка

Хватит носиться с каждой бедой,
где ж ты, радость простая?
Если нянчить привычную боль,
омут души зарастает –
Сразу заводится зелень и слизь,
следуя за неудачей,
Жажду не может никто утолить
в этой воде стоячей.
Затхлая заводь, паучий притон,
гадов секретные явки.
Не подходи – или высосут кровь
скользкие чёрные пьавки...
Пусть же всю нечисть смоем скорей
радость – разлив разъярённый,
Чтобы светился до самого дна
омут, солнцем пронзённый!
Нет половодья – дай русло ручью,
вывернись так иль иначе.
Только не надо, не надо опять
боль надоевшую нянчить.
Как бы там ни было, всё ж по утрам
солнце над миром всплывает.

Как бы там ни было, даже в ночи
 тьмы без огней не бывает.
Можно, ведь можно, конечно, найти
 жёлудь иль прочий зародыш,
Будет он долго расти да расти,
 ты его примешь – за радость!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БОЛЬШОМУ РЕБЕНКУ

Перевод с латышского языка

Когда тебе не спится,
мышь летучая,
Когда твоё трепещущее тельце
Тревожных крыл трагический излом
Швыряет в темноту и бесприютность, —
Влети к нему в раскрытое окно
И тихо опустишься у изголовья...
Иль знаешь ты,
что этого нельзя
Тебе, крылатой серенькой дурнушке!

Когда тебе не спится,
лист осиновый,
Когда дрожишь ты, как больной ребенок,
Когда тебя срывает с хрупкой ножки
И над землей бездумно кружит ветер, —
Ты робко прикоснись к его щеке,
К его плечу прильни и успокойся...
Иль знаешь ты,
что этого нельзя
Тебе, бездомному листку осины!

Когда и нам не спится по ночам,
Совсем не спится, сколько ни старайся,
В зеленых травах, в тихом камыше
Мы для него разыскиваем сны.
Мы сыплем их тайком сквозь щели ставней.
Мы их дурманом комнату заполним,
И снами мы набьем его подушку...
Нам это можно: сны ведь не про нас.

Когда же наконец прольется утро
Над тихою бессонницей цветка,
Он выйдет в сад и на траве примятой
Увидит чьи-то робкие следы.
Но яблони ему не скажут
И далии украдкой не шепнут,
Что женщина к окошку приходила,
Держала лист осиноый в руках,
Амышь летучая сидела на плече.

РАССКАЗ О МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕ

Перевод с латышского языка

Я маленькую птичку приручил –
Мне нужен был
 негромкий собеседник
В тягучем одиночестве моем.
Мы хорошо друг друга понимали,
А рядом, у раскрытого окна,
Для нас двоих
 цвела и пахла липа...
Но как-то раз, придя домой с работы,
Я маленькую птичку не нашел –
Совсем исчезла
 маленькая птичка...
Не запер я,
 не запер я окно,
А черный кот –
 опасный собеседник!

ДОБРЫЕ РАССВЕТЫ

Перевод с латышского языка

Я радуюсь, что утро наступает,
Зовет меня, пока еще не поздно,
И с неба черного
 орнамент звездный,
Как мел с доски исписанной, стирает.

Я ночью был то ласковым, то мудрым,
То утопал в водоворотах страсти.
И вот – люблюсь этим добрым утром,
Как радугой, сменяющей ненастье.

Я радуюсь, что снова встал с рассветом,
Что жаворонку – трактор подпевает.
Земля звучит под шагом и под ветром,
И солнце в землю
 вновь себя вливает.

Я радуюсь, что всё вокруг – живое
И сам я жив – для гнева и любви.
О жизнь,
 меня рассветами зови,
И я проснусь, чтоб добрым стало злое.

Пусть песню плуг запашет в борозду,
И прорастут поэзией поля,
Любовью человеческой согреты...
Я просто так из жизни не уйду.
Я прежде долг отдам тебе, земля,
За все твои хорошие рассветы!

ПТИЦА-СЧАСТЬЕ

Перевод с башкирского языка

Неожиданно счастье повстречалось мне,
Трепещущая маленькая птаха.

С тех пор ни наяву и ни во сне
Я не могу избавиться от страха.

Ложусь. Брожу ли ночь всю напролет,
А в мыслях у меня все та же странность:
Вдруг птица-счастье крыльями взмахнет
И улетит,

а я один останусь.

Ее в грудную клетку заключить?
Поющую, сорвать с зеленой ветки?
Но разве можно счастье приручить –
Ведь птица

петь не будет в тесной клетке!

Как ветка ей – раскрытая ладонь,
Поет мне в птичьей трепетной тревоге.

А я боюсь,

чтоб птахе молодой

Не повредить, споткнувшись на дороге...

Поет, поет, теперь уж не таясь,
И улетать совсем не хочет птица;
Как видно, разгадав мою боязнь,
Сама меня несколько не боится!

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

Перевод с коми-пермяцкого языка

Я жив еще.

И, значит, мы вдвоем

Опять сегодня в молодость вернемся.

...Над летней Иньвой берегом идем.

Как громко шутим! Как легко смеемся!

Тех песен эхо – у меня в ушах,

Тех споров жар –

не стынет под золою!

Мечтали мы, чтоб в жизни каждый шаг

Был новым шагом к звездам над землею.

Как нашей Пармы житель коренной,

С открытым сердцем, с дружелюбием братским

Ты спорил о поэзии со мной

На нашем языке, коми-пермяцком.

Ты говорил:

– Послушай-ка, Степан,

Вот ты – поэт и добрый мой знакомый.

А хочешь, я поэму иль роман

Сам напишу – не как-нибудь, на коми!

Нет, зависть сердце мне тогда не жгла:

В широкой Парме юности не тесно.

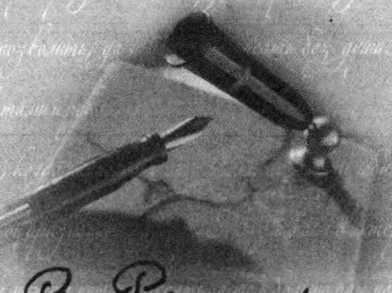
Но что со мной легенда рядом шла,
Мне в эту пору было неизвестно.
Мне было неизвестно, что войной
Ты, как волной прилива, будешь поднят
И очень скоро ждет тебя иной,
Совсем иной и замысел, и подвиг,
Что меж спаленных украинских сел
Вдруг засияет среди истин вечных
Та истина,

которую нашел

Ты, кровью оплатив ее, разведчик!
И жизнь твоя не оборвется там,
Где смерть ее подстерегала немо,
А по людским отзывчивым сердцам
Ударит, как крылатая поэма.
Пусть говорят – скосил свинцовый дождь...
Но мы-то знаем,

мы-то твердо знаем:

Ты рядом с новой юностью идешь
Зеленой Пармой,
светлым нашим краем!

В. Розкин

Эпиграммы

Он гений по трудам и блатам,
Наградам, званьям нет конца.
И каждый орден – как заплата
На ветхом рубище певца.

И. Быковой и Л. Соляник

Между двух партийных нянек
Воспиталася Соляник.
Вот ведь как бывает:
Инна Быкова поет –
Соляник подпевает!

В. Саитову

В кино – ведь как оно бывает –
Героя часто убивают.
А я видал Саитова,
Живого, не убитого.

Звездам театров Перми

Все-таки талант – всему основа,
Входит космос в театральный быт.
Кудряшова спорит с Мосоловой —
И звезда с звездой говорит.

Монолог молодого актера

Нет, мной мечта не предана, не продана,
В театре не ищу особых льгот.
Я честно говорю, что «кушать подано»,
Но кушают – меня. Который год!

И. Садриеву

Глазами добрыми дядю выев,
Идет к редактору Садриев.

Е. А. Вагнеру, доктору медицинских наук, председателю городского общества трезвости

Профессор Вагнер побывал в Шри-Ланке,
Беседовал с премудрыми людьми.
Он всю Шри-Ланку отучил от пьянки,
Но трезвых не прибавилось в Перми.

Л. Давыдычеву

Мы все живем – единым домом.
О Левочка, умерь свой пыл.
Ходил ты в бурках по обкомам,
А я в уборную ходил.

Е. Широкову

Одним из яростных пороков
Изобразил меня Широков.
Измазал синей, красной краской.
Я на себя смотрю с опаской.

Ода ядерным взрывам в Пермской области

Давно мы привыкли: коль надо, так надо!
И к ядерным взрывам привыкнем отныне,
Хоть, в общем-то, Пермь – не пустыня Невада
И нам далеко до атолла Бикини...
Мы взрывами всякими будем гордиться –
В народном хозяйстве нам все пригодится!

О перестройке

Любой Начпупс с трибун не первый год
За перестройку нас зовет бороться.
Но перестройка в ведомствах идет
С отрывом, так сказать, от производства!

О. Любовикову

И по-камски, и по-вятски –
По-соседски и по-братски,
Любя, а не завидуя,
Встречаем мы Овидия!

Л. Татьяничевой

Напрасны времени попытки
Внести в поэзию покой:
Слились навек огни Магнитки
С ее лирической строкой!

Ю. Друниной

Хранят поэзии страницы
И боль потерь, и труд войны –
И дальней юности страницы
В ее глазах отражены.

В. Попову

Уральский читатель сдружился с Поповым,
Все общее – думы, заботы, дела...
Чтоб стать вдохновенным писательским словом,
Рабочая тема всей жизни была!

В. Саянову

Встретил я Саянова,
Трезвого, не пьяного.
Трезвого? Не пьяного?
Значит, не Саянова!

М. Алигер

Маргарита всем богата:
Есть друзья, богатство, честь.
И ума у ней палата,
Но... «палата № 6».

Т. Задэ

Маленький Турсун,
А большой Задэ.

Н. Грибачеву

Я труды твои отведал,
Прочитал твои тома,
Вижу, ты не Грибоедов,
Горе здесь, но нет ума.

Л. Никулину

Он вспоминать не устает
И все, что вспомнит, издает.
И это все читать должны
«России верные сыны»!

П. Тычине

Ой, Павло Тычина,
Дорогой профессор!
Пишешь ты, як Пушкин,
Жаль, нема Дантеса!

*«Поэзия... мне думается, отстаёт от своего
времени. Долго ли это продлится?*

Думаю – недолго»

(«Поэзия – 76») Ал. Михайлов

Жужжит он, как веретено,
Все сеть плетет для эпохального!
И глядь-поглядь, опять полно
Корытце критика Михайлова.
С прутковской важностью угрюмою,
Словес блудливых прародитель,
Твердит: «Мне думается», «Думаю»...
И всем понятно: он мыслитель!

**Дискуссия между попугаем
и пародистом А. Ивановым**

*Нет эпиграммы на меня,
Знать, автор не дурак...*

А. Иванов

Нет эпиграммы на меня,
Хоть и любитель драк.
И только попугай, дразня,
Кричал: – Дур-рак! Дур-рак!!!
Я тут же птичке голову скрутил,
И за свое я взялся заново...
Я не дурак. А попугай – кретин.
Не верите? Спросите у Хазанова!

*Я буду в «М» ходить до самой смерти,
Хотя меня и посылают в «Ж»*

А. Иванов

Дорожка пародиста глаже скатерти,
Успех порой пьянит сильнее вина.
Вот и сейчас – качусь к такой-то матери,
Хотя меня и посылают – НА...

Бондарчук в роли Годунова

Немало лет он царствовал спокойно,
Но вел себя при этом непристойно:
Все роли в фильме роздал приближенным,
А в том числе – и двум любимым женам.
Поэтому, ища пути иного,
Вся Русь восстала против Годунова.
Ведь истина – по-пушкински проста:
«Да, жалок тот, в ком совесть не чиста!»

Боярский на «Музыкальном ринге»

Он носит волею небес
Мундир то мушкетерский, то гусарский...
Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,
А здесь он – Миша, недоросль Боярский!

* * *

Полуактер, полу-певец,
Полу-пижонство, полу-чувства...
На «Ринге» стало явным наконец,
Что здесь в нокауте – искусство!

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

В 1987 году, во времена известной россиянам перестройки, в модном тогда журнале «Крокодил» была объявлена рубрика «Трусцой на Парнас», куда можно было посылать эпиграммы на различную тему.

Владимир Ильич очень любил шутку. И в 60 лет он сохранил ту же юношескую неуспокоенность, искрометность и юмор. Он решил второй раз попытаться «выбиться в люди» под моей фамилией (по мужу — Комарова). Я была студенткой второго курса экономического факультета ПГУ. За 15 минут напечатав по памяти два листа эпиграмм, он отослал их в журнал. Но ответ был суров: «Как так, ты, студентка, можешь писать эпиграммы на именитых людей». Что же, Владимир Ильич не растерялся. Он сказал: «Эти эпиграммы в Москве по рукам ходят. Я же знаю». И снова подготовил тексты, но уже с экскурсом в историю эпиграммы, упомянув о «жестких» эпиграммах Пушкина. А далее, ничуть не смутясь, отправил еще и свои свежие, сочиненные при перепечатке.

Через несколько дней Владимира Ильича не стало...

Но жизнь продолжается. Из «Крокодила» приходит ответ: мол, мы не можем напечатать Ваши эпиграммы, так как люди, о которых идет в них речь, занимают высокие посты. И далее выражалась надежда на дальнейшее сотрудничество.

Через некоторое время вижу в том же журнале эпиграмму под своей фамилией. А в следующем номере — другую. А потом пришли гонорары, равные моей стипендии. Затем диплом «Крокодила» за лучшие эпиграммы. А в 1991 году прислали брошюру избранных эпиграмм, где в предисловии сказано, что еще в 1987 году студентка второго курса университета из города Перми писала острейшие строки о «перестройке»:

Один министр — поборник празднословия —
Был снят по состоянию здоровья.
Когда такой «больной» поста лишается,
Здоровье у народа улучшается.

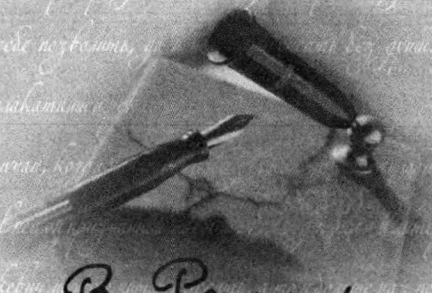
Вспоминалось о разном, в том числе и экспромт Владимира Ильича, сочиненный на моей свадьбе:

В жизни есть прекрасные дары,
Она не будет для тебя сурова.
Тебя кусать не будут комары,
Поскольку и сама ты —

Комарова.

Эпиграммы Владимира Ильича — это легенда, это не просто молниеносная искрометная шутка, но и критика, и оружие поэта.

Лидия Радкевич, дочь

В. Радкевич

Моменты жизни

Поэт Владимир Ильич Радкевич

*Мама, ты моя боль и праздник,
Мой вовек неоплатный долг...*

*Родители поэта:
Лидия Александровна
и Илья Николаевич Радкевичи*

В. Радкевич

*У будущих дней
на примете
Ты вырос в уральском краю...
В мир, полный надежд и забот...*

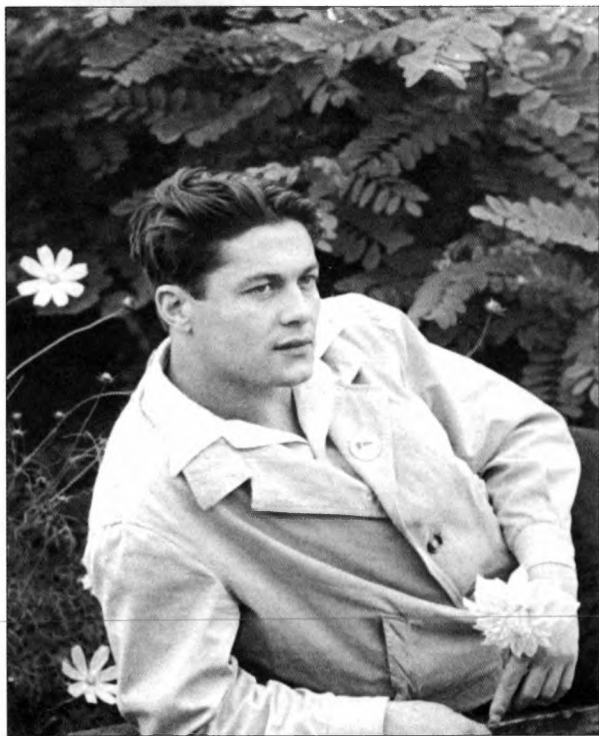

*Начало жизни.
Владимир Радкевич, будущий поэт*

На крылечке с мамой

B. Pugh

*Только что окончен
университет*

*Здесь бы жить и остаться,
Где ликует мечта...*

В. Радкевич

В. Радкевич и Н. Гучалова

*Я ловлю
этот блеск мгновенный
Молодого земного дня...*

*Когда я жил взахлеб,
и днем и ночью,
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг сквозило
этой новью...*

В. Радкевич

В. Радкевич с писателем В. Черненко

Поэт В. Радкевич, писатели А. Домнин и А. Крашенинников

*Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим...
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым...*

В. Радкевич и В. Маслов

В. Радкевич с писателями И. Мининым и А. Спешиковым

*И ты пришла,
красива, как невеста...*

В. Раздвин

*Зоя Ивановна, вдова поэта,
с А. Решетовым*

*...Я уже не молод, а вам, дочурки,
семь и восемь лет...*

*Если из-за туч, подобно чуду,
Прольется тихий и печальный свет,
То знайте – это я гляжу оттуда,
Чтоб разглядеть, вы счастливы или нет?*

*Я лишь взгляну и заструюсь обратно,
В нездешние надзвездные края...*

С дочерьми Лидией и Людмилой. 1980-е годы

В. Радкевич

*Малый сын мой,
Сережа,
кровинка моя!*

*Сергей Радкевич,
сын поэта, в детском возрасте*

*Пусть долго верят маленькие дети,
Что взрослые всеильны и добры.*

*Владимир Радкевич,
внук поэта*

В. Радкевич

*Писатель Н. Вагнер, художник М. Тарасова,
поэт В. Радкевич, писатель Л. Правдин*

*Еще нам не одно выигрывать сражение,
Но цель уже близка.
В величии побед,
В размахе наших дел
Есть творчества горенье,
Есть яркий в полный рост
Грядущего портрет.*

*Поэты В. Радкевич
и А. Гребнев*

*Лев Иванович... Лёва... Лёвушка...
Это, видимо, навсегда...
С другом Л. Давыдычевым*

В. В. В. В. В.

*Только радуюсь я живучести
Мысли, сердца и ремесла...*

*Лишь час один,
Лишь миг один...*

Поэты А. Решетов и В. Радкевич, писатель Н. Вагнер

Поэты Ф. Востриков, В. Радкевич, А. Решетов

В. Радзюнас

*В наш век чернить поэзию не смейте,
Она во всем пред будущим чиста.
Она с людьми – в бесславье и в бессмертье,
И в этом цель ее и правота...*

*Лишь час один,
Лишь миг один...*

В. Радкевич с поэтом Б. Михайловым

*В. Радкевич
и композитор А. Клецин*

*Негромкий запах беленькой ромашки –
Лекарство предпоследнее мое*

*А на вопрос привычный –
где живу? –
Я отвечал, что родиной с Урала...*

*В чёрозских дугах с Ф. Востриковым,
другом и учеником. 1985 год*

*В. Радкевич, А. Тараканов, Ф. Востриков,
В. Артемов в Чёрмозе*

В. Радзинь

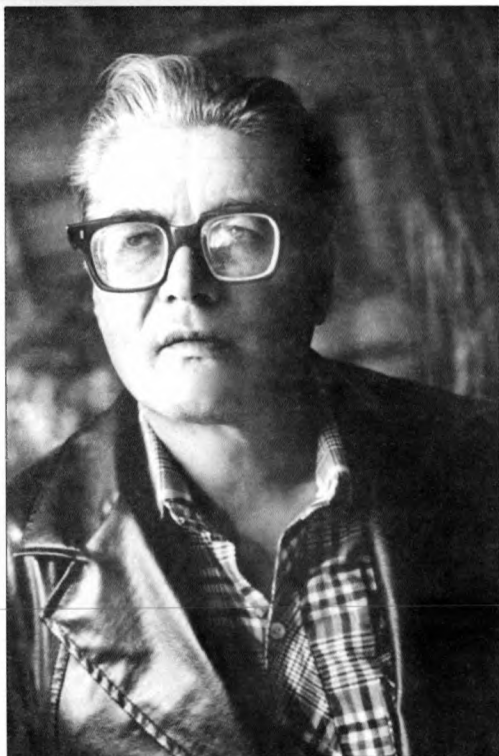

*И, как в юности, мне видна
Жизни радость и разноцветье,
Неоглядная глубина...*

*Я с вами, люди. Весь я ваш,
Я – капля в вашем океане...*

B. Pagano

*Я с вами, люди. Весь я ваш,
Я – капля в вашем океане...*

В. Радкевич

*В. Радкевичу – 60 лет.
Юбилейный вечер в актовом зале Пермского отделения
Союза писателей СССР. На трибуне – Л. Давыдов,
в президиуме – Н. Вагнер. 1987 год*

*Я должен долго-долго жить на свете,
Чтобы узнать не то,
КТО там живет,
А КАК живут...
Вот мне на что ответьте!*

*Цветы от Ю. Нахабина,
директора Пермской
областной библиотеки
имени А. М. Горького*

*В зале с писателем
Л. Кузьминым*

*Поздравление от секретаря
Пермского горкома партии Э. Копысовой*

*Поздравление от Пермского обкома партии
произносит Н. Корсаков*

Я должен долго-долго жить на свете.
Чтобы узнать не то,
КТО там живет,
А КАК живут...
Вот мне на что ответьте!

*И природы живые лики,
Человечности добрый свет
Всей душевною силой лирики
Ты не раз защищал, поэт!*

***Вечность нас пригласила в гости,
Млечной пылью в глаза пыля...***

ИЗ ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. РАДКЕВИЧЕ

«Прочел вашу книгу от корочки до корочки — с большим наслаждением. Замечательно «нашенская» поэзия, поэзия глубоких и тонких чувств и переживаний, поэзия наичеловечнейшая, наирусская и впечатляющая! Спасибо!..»

*Михаил Чумаков, композитор,
член Союза композиторов СССР,
руководитель государственного
Волжского народного хора,
заслуженный работник культуры РФ
Самара, 15 июня 1979 года*

«...Это не витиеватая фраза, а заботливое пожелание твоего старого товарища, желающего, чтобы ты и твои друзья заботливее относились к твоему *незаурядному дарованию*, принадлежащему не только тебе, но и всем читающим тебя и желающим читать как можно дольше. Как можно дольше и с нарастающим год от года интересом к твоему росту, к твоей творческой неуспокоенности совершенствования мастерства...»

*Евгений Пермяк, писатель
Москва, 1977 год*

«...Какое ни возьми стихотворение В. Радкевича, любое будто светится неизбывной любовью к родной земле, которая имеет «магнитное притяжение» для всех, кто на

ней живет... И мы благодарны поэту, который будит в нас эти святыя чувства, без которых наша жизнь была бы беднее, а значит, менее нужной времени, Отчизне...»

В. Кирсанов, читатель
Днепропетровск, 1977 год

«...Стихи В. Радкевича о преемственности поколений, о доброте и справедливости, которые впитаны нами с молоком наших матерей. Это — тот свет, на который мы идем в борьбе во имя счастья всех детей планеты. И здесь поэт вновь расширяет горизонты своего видения, нераздельно связывает свое творчество с заботами всего народа, всего человечества...»

Николай Вагнер, писатель
Пермь, 1984 год

«...Владимир Ильич, на мой взгляд, первый настоящий профессиональный лирический поэт по своей природной сущности на нашей Пермской земле. Поэты, бывшие до него, не менее профессиональны, но они не имели столь ярко выраженной особенности лириков: их стихи по направлению и по жанру были эпосом, были пейзажной, повествовательной, изобразительной, но отнюдь не медитативной лирикой, что так присуще В. Радкевичу. Медитативная лирика — это особый талант. Нет его — ничего не поделаешь...»

Герман Митягин, критик
Оса, 1997 год

«...Он был всегда желанный гость в нашем доме. Приходил. Читал новые стихи. У нашего телевизора сгорел кинескоп. Телевизор был подарен Александру Николаевичу Спешилову, моему отцу, пермскому писателю, на шестидесятилетие в 1959 году Союзом писателей СССР. А телевизоры в то время были редкостью. Все соседи ходили к нам смотреть кино. А тут — проблема! Куда только ни обращался папа — все без толку. Говорят: «Ничем помочь не можем». Но вот однажды к нам заглянул Радкевич: «Вы почему телевизор не смотрите. Там передача интересная начинается!» Услышав грустный ответ, он развернулся и ушел. Где уж он ходил. Кому что смог веское сказать. Но на другой день он внес к нам громадную коробку с кинескопом, к великому изумлению всего нашего семейства.

И еще тридцать лет телевизор служил верой и правдой».

Из воспоминаний Е. А. Спешиловой

2006 год

«...Действительно, только теперь мы начинаем понимать истинный масштаб этого замечательного уральского поэта, посвятившего столько прекрасных стихов Прикамью, Перми, их истории, лучшим людям. Увы, есенинские строки «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии» долго будут звучать укором нам, живым, при воспоминании о Владимире Радкевиче».

Михаил Смородинов, писатель

Газета «Звезда»,

Пермь, 1987 год

«...Как Камский мост, вобравший в себя пространство и время, так и Радкевич пролег мостом между поэтическими поколениями. Он встречался с В. Каменским и Б. Ручьевым, близко знал многих выдающихся поэтов нашего времени, учился у них. А молодые поэты-земляки окрепли, поднялись на крыло при его дружеском участии. Многому можно учиться у Радкевича. Его пристальному вниманию к истории России и Урала. Раскройте любую книгу поэта, и вы обязательно найдете там великолепные стихи о давних временах...»

*Иван Ежиков, журналист
Газета «Вечерняя Пермь»,
24 апреля 1987 года*

«Пермский поэт Владимир Радкевич, пожалуй, даже слишком подчеркнуто дает понять читателям, что он поэт сугубо уральский. Почти все, о чем он пишет, Радкевич как бы соотносит со своим Уралом. Важнейшие нравственные ценности у него имеют уральскую марку. Уральское мужество, уральское трудолюбие, уральское гостеприимство, уральская нежность — эти и подобные им определения во множестве рассыпаны по стихам Радкевича, своеобразными именно тем, что местный колорит не приземлил их, а дал им крылья для высокого полета, сделал их нужными и понятными далеко за пределами Урала».

*Николай Старшинов, писатель
Москва, 1982 год*

«Дорогой Володя! Годы уходят, годы облетают, как листья с дерева, оставляя после себя почку нового

листа и зародыша в корне... На дереве уральской поэзии столь много тобой возвращенных талантов, что голоса их заглушат горечь прожитых лет, и свет их глаз осветит всю прелесть осени, возбудит новые силы в душе для весны, цветения и стихов!...»

Виктор Астафьев, писатель

Вологда, 1977 год

«...В 70-е и 80-е годы в жизни и творчестве Владимира Радкевича начался, на мой взгляд, наиболее плодотворный успешный период. Это пришла пора зрелости, когда глаз поэта, много повидавшего и плохого и хорошего, становится по-особенному зорким, проницательным. Стихи Радкевича стали печататься не только в Перми, но и в столичных изданиях...»

Николай Гашев, журналист

Пермь, 2006 год

«...Урал, его цветы, реки и горы, на которых теперь прибавилось седины, — нерукотворный памятник поэту. Бажов, Ручьев, Радкевич — вот незабвенные имена наших любимых писателей, учителей, наших друзей, непритворных и бесценных. И у многих писателей, знавших Радкевича, копятя и зреют в душе строки об этом удивительном человеке, истинная значимость которого становится для каждого из нас тем яснее, чем дальше уходят печаль и дата».

Алексей Решетов, писатель

Газета «Звезда»,

Пермь, 22 июля 1987 года

«...Газетную прозу Владимира Радкевича, как и стихи, узнаешь и без подписи. Его заметки, зарисовки отличаются от других легким слогом, поэтической образностью, отсутствием избитых фраз. (В. Радкевич в 1965 году вынужден был уехать на юг области, в поселок Октябрьский. «Ссылка» длилась всего 49 дней.) ...Районная газета «Вперед» с появлением поэта стала намного острее, злободневней. 9 декабря В. Радкевич под своей фамилией публикует басню «Лесная быль», в которой, следуя законам жанра, выводит под именем Волка, Лисы и других зверей начальника Ольховского лесопункта, председателя цехкома и секретаря парткома. Ниже басни редакция назвала истинные имена действующих лиц. ...Начальство взбеленилось. В лесопункте и в Щучье-Озерском леспромхозе только и разговоров было о басне Радкевича. Еще долго его басню читали в клубах Октябрьского района во время концертов...»

Иван Гурин, писатель

Газета «Звезда»,

Пермь, 13 июня 2003 года

«...Пожалуй, не рождала Пермская земля такой силы и пронзительности поэта, как Радкевич. Литературную Пермь узнали и признали в столичном граде через поэзию Радкевича. Не зря его пригласил в журнал «Новый мир» сам Александр Трифонович Твардовский! Потом будут публикации в журналах «Москва», «Огонек», «Крокодил», «Наш современник», «Юность» и «Молодая гвардия». Думаю, что А. Т. Твардовскому, Я. В. Смелякову, Е. А. Пермяку, Ю. В. Друниной, Н. К. Старшинову,

С. Д. Давыдову полюбились стихи поэта-пермяка своей незаемной неуспокоенностью, необыкновенной тягой к свету, к торжеству жизни и, конечно, покорили добротой, взволнованностью, романтикой и молодостью. Уже тогда в молодом даровании просматривались черты характера поэта-борца, поэта-защитника и ратоборца за Урал, за светую Русь! Поэт стихи не придумывал, не изобретал, не высасывал из пальца. Он переживал стихи, переживал, как радость и горе, как любовь и ненависть, как смерть и жизнь. Этому нельзя научить. Такой незаурядный талант — от Бога».

Федор Востриков, писатель
Пермь, 2002 год

ОСНОВНЫЕ КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Добрый путь: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1951. – 83 с.
- Пассажиры: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1954. – 8 с.
- Разговор о счастье: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1955. – 102 с.
- Просека к солнцу: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1958. – 100 с.
- Под звездами: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1964. – 80 с.
- Уральская лирика: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1968. – 167 с.
- Камский мост: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1972. – 139 с.
- Избранное: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1977. – 188 с., ил.
- Стихи разных лет. – Пермь: Кн. изд-во, 1981. – 125 с.
- Уральская лирика: Стихи. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 92 с.
- Равновесие: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1984. – 110 с.
- Приближение к Уралу: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1987. – 219 с.
- Слово: Стихи. – Пермь: Кн. изд-во, 1992. – 156 с., ил.

СОДЕРЖАНИЕ

Радкевич Владимир Ильич	5
Доброе сердце. О Радкевиче	6
От составителя	16
Стихи	17
Я – с Урала	18
Пермь	21
Слово	23
«Вечно Каме по жизни народа струиться...».	24
Россия	25
Василий Каменский	27
«Семиэтажка»	29
Небо Швецова	31
Букирев	34
Студенты 41-го года	37
Мать и сын	39
Баллада о банке варенья	42
Молодые солдаты	44
Стихи о Победе	46
«Есть чувство – как алмаз...»	48
Стихи о границе	50
Поздняя встреча	51
Ода Уралу	53
У памятника Бажову	54
Памяти Николая Куштума	55
Афанасий Морозов	57
От нас уходят старшие	60
«В каждой сосенке сердцем узнан...»	62
Эхо	63
Кронштадцам	65
Из прошлого	67
Усолье	68
Старая Пермь	70
Чехов на Каме	76

Ивакинский конторщик	72
Сибирский тракт	74
Чердынъ Великая	77
Соликамский сказ	79
Камский мост	81
Кунгурская быль	83
Чердынский вечер	88
Рябчики (Чердынская быль).	90
Память	94
Тойкинские трактора	95
Кува осенняя	97
Памяти Бориса Ручьева	99
Ветераны	101
У сельских учительниц	103
Первый поклон	105
Трактористка	107
Однорукий печник	109
Приехали финны	111
У колонки	113
Поселковый магазин	114
В конторе выдают зарплату	116
В лес пришла столовая	118
Яблоки	120
В клубе сегодня танцы	122
Дачная осень	124
Девушки едут на целину	126
Провинциальная баллада	128
На лесовозной дороге	132
В районной гостинице	133
За пылью дорог	135
Просека к солнцу	138
«В цехах у станков, у мартенов...»	141
Уралу	143
Цветы и камни	144
Орехи	146

Уралочка	148
Спасибо женщине	149
Дети	150
Шумят молодые деревья	152
Колюпановские эмали	153
Пермский балет	155
Художникам Олейниковым	157
«Когда дожди, по окнам морося...»	158
Пермские боги	160
В утренней электричке	162
«Никого утешать да и сам утешаться не стану...» ..	164
Письмо к матери	165
25 января 1967 года	166
«Без мамы я жить не умею...»	167
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	168
«Земля передо мною виновата...»	169
«Сквозь березы светло и знакомо...»	170
«Я жить хочу в годах пятидесятых...»	172
Родные	173
Равновесие	174
Возвращение	175
Ожидание	176
Мой разговор с профессором	177
«Теперь мне кажется чудом...»	180
Ливень	182
Весеннее	183
Письмо	184
«Это главное зло, что красивая ты...»	186
«Не таились, не каялись...»	186
«Очевидно наступает вечер...»	187
«Ты кому улыбки раздавала...»	187
Старая песня	188
Стихи о примирении	189
«Открылась дверь. Да, да, входи...»	190
Апрельские стихи	191

«О эта глупая чувствительность...»	191
«Я люблю эти звезды...»	192
В дождь	193
Один день	194
На вокзале	196
О разлуке	197
«И вдруг поймешь...»	198
Чужой ребенок	199
Свидание	201
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	202
«Не стремительной легкой поступью...»	203
«Я у тебя не первый, не последний...»	204
«В любви нет ни добра, ни зла...»	205
Осенние стихи	206
«Я чувствую, как волосы седеют...»	207
«О девушки с бровями соболиными...»	208
«Ты хвалишь красоты Армении...»	209
«Зачем же так непоправимо...»	210
Баллада о родном доме	211
«Ждали – к лучшему...»	213
Стихи о семейной жизни	214
Стихи о сыне	215
«По частям любовь воровали...»	217
«Для сына я сильнее всех на свете...»	218
Сыну	219
Метель	221
Март	223
Солнце теплым светом матовым	224
Прикамская весна	225
«Если взор у тебя горяч...»	227
«Идет весна-распутица...»	228
Воспоминание	229
«Сентябрьским утром выйди посмотри...»	231
Осинки	232
«Есть дома – нелюдимы...»	234

Добрый дом	235
В зимнем саду	237
Под звездами	238
В деревне	239
Разговор о счастье	242
Тишина	244
Прогулка по Риге	245
Латвия	247
На Рижском взморье	248
Модный писатель	250
«В угаре полупьяного скандала...»	252
Льву Давыдычеву	253
Дочерям	254
«Спасибо вам, леса закамские...»	255
Прогулка по Каме	256
«Молодость сочтя за преимущество...»	258
«Какой-то буйный дар утрачен...»	259
«Как резко вдруг похолодало...»	259
Исход	260
«В наш век чернить поэзию не смейте...»	261
Творчество	262
Я – человек среди людей	263
Удача	264
Яблоня	265
«Синим светом над озерами...»	266
«Мой друг, ты умер. Кажется, давно...»	267
«Зачем ты, Кама, добрая река...»	270
Пермская земля	272
Довольно!	274
«Вечность нас пригласила в гости...»	276
Переводы	277
Эпиграммы	295
Моменты жизни	307
Из писем и воспоминаний о В. И. Радкевиче	339
Основные книжные издания	346

Литературно-художественное издание

ВЕЧНОСТЬ НАС ПРИГЛАСИЛА В ГОСТИ

Владимир Ильич Радкевич

Редактор *Е. В. Вороньянская*

Оформление, компьютерная верстка *Л. Г. Шадрина*

Корректор *Г. А. Борсук*

Радкевич В. И.

P15 Вечность нас пригласила в гости: Стихи. – Пермь: ООО «Маматов», 2007. – 352 с., ил.

ISBN 5-91076-004-1

Книга стихов поэта Владимира Радкевича (1927–1987), которого при жизни называли певцом Урала. Поэзия была его работой, и в ней он был признанным Мастером. Впервые печатаются его эпиграммы. О нем вспоминают друзья, писатели-собратья по перу, читатели. Отрывки из их писем или статей помещены в книгу, в которой есть и большая подборка фотографий знаменитого поэта в разные годы его жизни.

УДК 821.161.1(081.2)

ББК 84(2Рос=Рус)6

P15

Подписано в печать 21.05.2007. Формат 70×100^{1/32}. Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 2000 экз. Заказ № 1359.

издательство

МАМАТОВ®

www.mamatov.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс «Звезда»
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Книга стихов поэта

Владимира Радкевича (1927–1987),
которого при жизни называли
певцом Урала. Его поэзия светла
и сурова, нежна и строга.

Поэзия была его работой,
и в ней он был признанным
Мастером. О нем вспоминают
друзья, писатели - собратья по перу,
читатели. Отрывки из их писем
или статей помещены в книгу,
в которой есть и большая подборка
фотографий знаменитого поэта
в разные годы
его жизни.

